

Антропология ХОРРОРА

2019

Не выключай свет!

Марта Кауц

Антология хоррора 2019

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478368

ISBN 9785005063878

Аннотация

Сборник рассказов от современных авторов специально к Хэллоуину! Таинственные истории, пугающие городские легенды и шокирующие обряды. Не выключайте свет и не оставляйте книгу открытой. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Раздел 1	6
Санаторий	6
Подарок	9
Гнев	15
Мечь	21
Неприкаянный	26
Больше жизни, Джерри	32
Камера	38
Юность Маргариты	44
Потерянное сокровище	50
Ты пожалеешь	57
Любовь моя	67
Раздел 2	73
Unfinished Life	73
Поли-леди	79
Не бойся, я с тобой	85
Спи спокойно	89
Катенька	95
Доброе сердце	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Антология хоррора 2019

Редактор Марта Кауц

ISBN 978-5-0050-6387-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мистика и ужас, старинные обряды и нечисть всех мастей в лучших рассказах финалистов писательского хоррор-марафона. После этих историй Хэллоуин покажется Днём Святого Валентина.

Татьяна Козлова

Рост счетов за электричество гарантирован.

Марта Кауц

Не оставляй книгу открытой. Кто знает, что может из неё выбраться?

Евгения Матушкина

Раздел 1

Санаторий

Каждый день я ходила на прогулку. «Это полезно при вашем состоянии», сообщил доктор в первый же день. Что же, полезно так полезно. И я ежедневно, в 8.32 надевала свою любимую шляпу с алой лентой, накидывала теплый платок на плечи и отправлялась в парк при санатории. Усыпанные мертвой листвой дорожки навевали на меня меланхолию, но я продолжала выполнять назначения доктора Палмера даже спустя столько лет. Он очень гордился бы мной, если бы не уехал от нас чуть ранее.

В 8.47 я доходила до дальних ворот. Да, пожалуй, для парка это место маловато, так, несколько коротких аллей, собирающихся к центральной площади, она же площадь перед главным зданием. За долгие годы я изучила каждый уголок и могу пройти этот путь даже с закрытыми глазами. Прогулка назад занимает всегда чуть больше времени, и к 9 часам я стою напротив огромного особняка. Краска на нем давно облупилась, свисает хлопьями.

Оглядываюсь по сторонам. Центральная площадь украшена резными скамейками, на одной из них лежит забытый кем-то из маленьких гостей санатория игрушечный робот.

Кажется, этот малыш, его хозяин, уже уехал. Это, конечно, к лучшему. Хотя может быть у него просто не было повода остаться. Я до сих пор не знаю наверняка, почему мы с Анджелой и еще несколько наших соседей так задержались.

– Миссис Коллинз! – мне навстречу по ступеням сбежала молодая темноволосая девушка в темно-синей форме медсестры. Юная Анджела присматривала за мной и немного переживала из-за моих ежеутренних прогулок в одиночестве.

– Ничего, милая, ничего, я уже вернулась.

Медсестра молча протянула мне два стаканчика – с водой и с парой разноцветных таблеток.

– Вы снова забыли... – с укором посмотрела она на меня, пока я глотала горьковатые капсулы. – Вы ведь знаете, без них нельзя...

– Да, милая, да, конечно знаю. Прости, сегодня я снова припозднилась с выходом и сильно спешила.

Она взяла меня под руку, помогая подняться по ступеням. Ветер, как и всегда, налетел на нас, заставив вздрогнуть и чуть теснее прижаться друг к другу. Близость холодов ощущалась все сильнее, пар при дыхании становился все заметнее, а листвы на деревьях становилось все меньше. Стоя на верхней ступени, я обернулась. Скоро в больничном парке останутся лишь голые деревья да несколько старых елей. Умирающая природа подходила этому месту как нельзя лучше.

Анджела говорила что-то о том, что осталось всего несколько минут, хотя я, конечно, и сама знала об этом. Наше расписание не менялось уже десяток лет и все давно запомнили свои роли. Я поглядывала на такие знакомые, давно уже опостылевшие мне стены, штукатурка на которых покрылась трещинами и сколами, местами отсырела и осыпалась. Нам с моей милой сиделкой полагалось успеть дойти до двери столовой. Чем ближе мы подходили, тем отчетливее становился неприятный запах, тем чаще попадались на стенах пятна копоти. Когда мы уже почти подошли к концу нашего недолгого пути, высокая дверь столовой отворилась и навстречу нам, не глядя, вышли два молодых парня и девушка, одетые по-зимнему, с небольшими фонариками в руках.

– ...призраков видели. Я, конечно, не верю, но знаете же, как это бывает в старых домах, не веришь, а темные углы все равно подальше обходишь, – бодро говорил тот, что повыше. Голос его звучал уверенно и даже как будто чуть насмешливо, но фонарь, высвечивающий черные тени, заметно подрагивал в его руке. Мы молча прошли сквозь них. До взрыва бытового газа в кухне за столовой оставалось меньше минуты. Снежные хлопья медленно опускались на голый парк у давно выгоревшего изнутри здания санатория.

Марина Сухова

Подарок

Пролог

Подмышки были влажными от пота, ещё немного, и она станет липкой и отвратительно воняющей, как личинка мухи сами знаете в чём. Шелковая блузка, купленная «для особого случая», неприятно прилипла к спине и единственным желанием Евы было стащить пальто и выбросить его в ближайший мусорный бак. Но даже на это времени катастрофически не хватало. Праздник не может начаться без главной его участницы.

19.20 вторник **станция метро «Гостиный двор»**

Ева лавировала между встречным потоком пассажиров метро и вяло шагающими в одном направлении с нею людьми, обгоняя их при любой возможности. Она чувствовала себя сперматозоидом, рвущимся через струю заторможенных собратьев, чтобы скорее проникнуть в чрево вагона метро. Но на «гостинке» попасть в вагон было непросто, особенно в час пик. Девушка остановилась возле двойных дверей, которые ненавидела почти также, как двери лифтов в высотках. На таких станциях картинка, придуманная в дет-

стве, часто всплывала в воображении: внешние двери открываются, ты шагаешь в открывшееся пространство и понимаешь, что поезд с отвратительным скрипом тормозов приближается к тебе огромной и смертоносной машиной.

Яркий свет несущихся на тебя фар слепит сильнее, чем десятки вспышек фотоаппаратов. Ты замираешь в ожидании собственной гибели, не в силах пошевелиться или наполнить воздухом лёгкие, сердце перестает биться, а затем взрывается, раздавленное грудной клеткой. Мозг, который только что работал, как хороший жёсткий диск не старого ещё компа, в одно мгновение перестает функционировать, разлетаясь на множество разноцветных фрагментов...

– Девушка, вы заходите? – спросил старческий голос из-за спины.

– Да, конечно. – не оборачиваясь ответила Ева и протиснулась в вагон подъехавшего поезда.

19.40 вторник

Васильевский остров

Перепрыгивая через лужи и стараясь не попасть под брызги от колес, проезжающих мимо автомобилей Ева торопливым шагом приближалась к маленькому и уютному кафе в глубине Васильевского острова. Светофор на несколько секунд заставил ее остановиться и выровнять дыхание. Сердце гулко стучало в ушах от быстрой ходьбы. Неприятный

холод неожиданно пробежал между лопатками, и девушка инстинктивно передернула плечами, чтобы стряхнуть с себя это ощущение. Как будто кто-то пристально смотрит тебе в спину, буквально прожигает дыру в позвоночнике, и ты не знаешь стоит ли тебе оборачиваться или лучше бежать подальше от этого взгляда, так и не узнав кому или чему он принадлежит.

Загорелся зелёный сигнал светофора и Ева, стараясь сглотнуть, как тошноту, накотивший на неё страх и не обращать внимание на свернувшееся в глубине желудка предчувствие чего-то плохого, направилась в сторону видневшегося в конце переулка кафе.

19.55 вторник

Кафе на Васильевском острове

Распахнув дверь Ева втянула ноздрями ароматную смесь кофе, ванили и свежей сдобы с корицей и направилась к столу в глубине зала, постепенно сбавляя шаг. Остановившись в центре пустого кафе она прислушалась, пытаясь уловить хотя бы какие-то звуки, кроме мелодии, звучащей из динамиков – странной музыки, монотонной, как будто стонущую от невыносимой боли скрипку заставляют играть свадебный марш... Не считая мелодии в кафе стояла гробовая тишина.

В углу зала, на забронированном по случаю дня рожде-

ния Евы столике, стояла коробка, обернутая яркой подарочной упаковкой с изображенными на ней детскими рисунками. Рисунками, нарисованными когда-то Евой.

Идеальная коробка с красивым бантом, стоящая в красном свете абажура, внушала животный ужас и заволаживала. Только подойдя ближе Ева поняла, что неровная тень на скатерти – это красная жижа, в которой стоял подарок, который несомненно был приготовлен для неё.

«Чтобы это ни было – я ни за что не открою эту чёртову коробку. Хотя скорее всего это просто дурацкая шутка друзей...» – безуспешно попыталась себя успокоить Ева и попятилась к выходу.

23.55 вторник

Дворцовая площадь

Она потеряла чувство времени. Выскочив из кафе под холодные струи осеннего ливня Ева, отгоняя от себя любые мысли, побежала в сторону освещённого и оживлённого центра города. Стрелка, Дворцовый мост и набережная, сад Зимнего, Дворцовая площадь, Адмиралтейство, Исаакий... Она металась среди памятников, музеев, площадей и парков, не находя места, где можно спрятаться от сжирающего её страха.

Толпы туристов в одинаковых дождевиках были похожи на злобных карликов, оживающие статуи напоминали мон-

стров, родившихся из камня, в лицах одиноких прохожих она видела гримасы чудовищ.

«Я схожу с ума», – подумала Ева и вдруг разглядела за стеной дождя фигуры Атлантов.

«Они сильные, они спасут меня», – пробормотала Ева и спряталась под портиком дома на Миллионной. Она прижалась к гигантской ступне каменного Атланта, закрыла глаза и попыталась успокоиться, но страх ледяной рукой сдавил ей горло. Ева попыталась позвать на помощь. Вместо крика получился сдавленный стон, который забрал из её лёгких последний воздух. Темнота поглощала её всю, проникала в самую глубину ее сознания, медленно и настойчиво забирая все силы девушки.

«Так душа и улетает в небо, когда приходит смерть», – подумала Ева уже без страха.

Ей стало всё равно, что с ней будет. Только бы скорее все закончилось...

Эпилог

Урчащий звук мотора напоминал об обычной жизни: жене, друзьях, родителях, бабушке и дедушке, бывших возлюбленных, любимой подруге... Ева сжимала веки, боясь увидеть то, что находилось рядом с ней. И того, кто находился с ней в автомобиле. Она не слышала, но чувствовала рядом чьё-то зловонное дыхание. Тошнотворный запах гнили,

казалось, пропитал воздух насквозь.

– Зря ты не открыла ту коробку. Я собрал в ней по частичке каждого из тех, кто когда-либо был дорог тебе...

Татьяна Козлова

Гнев

– Ну и «шляпа» этот твой робот-пылесос, настоящий убийца, – причитал Сева, изнывая от боли в спине. Пару часов назад курсы выехавшего из детской робота и бежавшего к звонящему телефону Севы пересеклись, отец семейства потерял равновесие и спиной ударился об коляску, загораживавшую половину прихожей.

– Может, в больницу? – волновалась жена, укачивая на руках плачущего ребенка.

– Чтоб меня там до смерти залечили?! Ерунду не предлагай. Вот чего он орет?! У меня уже и спина болит, и голова от его криков. А таблеток нет, аптечка пустая. Ты хоть проверяла ее?!

– В аптеку сходи. И не кричи на меня, – всхлипывая, ушла в детскую жена.

На улице была именно та погода, про которую говорили, мол, хороший хозяин в такую и собаку из дома не выгонит. Небо было плотно затянуто облаками. Сильный холодный дождь не оставлял сухими даже тех, кто шел с зонтом. Ветер рвал с деревьев пожелтевшие мокрые листья. Сева накинул на голову капюшон, но ветер то и дело срывал его. Это жутко раздражало. Как и то, что кеды моментально промокли.

Раздражение было главным его чувством в этот момент. Бесило всё: больная спина, несмолкающий сын, жена, ко-

торая ничего с ним не могла сделать («И пыталась ли?!»), чёртов пылесос («Будь проклят тот день, когда...»). Бесило, что дома не было лекарств («Я должен за всем этим следить?!»). Бесил ветер и дождь, отсутствие нормального освещения. Бесило, что аптек у дома шесть штук, но круглосуточная только одна в нескольких кварталах от него. Гнев раздувал его как воздушный шар, тронь – он взорвется. Он был грозовой тучей, которая вот-вот разразится целым каскадом молний, взведенным курком оружия в руках эмоционально нестабильного человека.

Круглосуточная аптека была маленьким закутком, где сквозь решетчатое окно отпускали страждущим необходимое. Помимо Севы, в очереди оказались двое характерно пахнущих аборигенов, перед ними у самого окна старуха. Ожидание затягивалось. Провизор никак не мог выиграть у бабки в игру «Угадай название таблеток по описанию их формы», несколько раз просил вернуться с рецептом. Но старуха была непреклонна. Между тем, тошнотворный запах настолько распространился по маленькому помещению, что прошибал слезу.

– Эй, старая, – вскипел Всеволод, – ты б очередь пропустила, пока название пилюлек вспоминаешь. Ты не одна.

– Да я быстро, подожди, миленький.

– Не хочу я больше ждать! Давай, бабусь, пропускай, нехрен людей задерживать!

– Не серчай, сынок, сейчас все вспомню и пушу. Такие

круглые были таблеточки, мелкие, белые...

– Да иди ты в жопу, карга старая, я из-за тебя тут уже минут пятнадцать стою говном дышу. Пошла, говорю, вон отсюда. Иди, вспоминай в другом месте, – дерзко пододвинул Сева старушку от окна и обратился к провизору: – Доброй ночи, дайте мне мазь и таблетки обезболивающие.

На выходе Сева услышал обрывок фразы от обиженной старухи: «... и останется только вспоминать».

Буря стихла. Дождь почти закончился. Ветер становился все слабее. Покинув круг света от фонаря около аптеки, единственного на целой улице, Всеволод бодро зашагал домой. Сам факт, что лекарства куплены, уже предавал ему облегчение. Он шел и думал, что, наверное, зря сорвался на жене, что она и без того устает, пытаюсь научиться быть хорошей мамой для их такого беспокойного трехмесячного малыша. Думал, что неплохо будет сделать жене сюрприз, отправить на весь день куда-нибудь отдохнуть.

Внезапно Сева заметил, что дождь окончательно стих, ветра нет, кругом не горят ни окна многоквартирного дома, ни одинокие фонари, тускло светившие, когда он шел в аптеку. И тишина. Абсолютная. Давящая. Сева ускорил шаг. Ему уже было все равно на боль в спине и обиду на весь мир. Ему было тревожно. И эта необъяснимая тревога нарастала, обволакивая его.

Где-то сбоку послышались шорохи. Он остановился, направив свет телефона на ближайшие кусты. Несколько се-

кунд он стоял, не дыша, ожидая чего-то страшного, по спине струйками стекал пот. Из кустов, почесываясь, вылез большой рыжий пес, понюхал штанину Сева и побежал дальше по своим собачьим делам. Севе даже стало смешно над тем, что он испугался какую-то дворнягу.

Домофон у подъезда, обычно переливавшийся огоньками подсветки, был темен и не подавал признаков жизни, замок был открыт. «Всё ясно, электричество отключили во всем районе, наверное, опять авария на подстанции, ерунда», – подумал Сева. Он поднялся на свой этаж, открыл квартиру. В прихожей попытался не врезаться в ту злосчастную коляску, которой травмировал спину. Но ее не оказалось на месте. «Хм, странно». Разделся, повесил одежду в шкаф, показавшийся ему слишком просторным. Дошел до кухни, выпил таблетку обезболивающего. Вскипятил чайник («Хорошо, что плита газовая и чайник обычный есть»), налил жене чай, взял купленную мазь и пошел уговаривать натереть ему спину.

Зашел в спальню, поставил чашку на тумбочку, сел на кровать. Привычным движением он занес руку, чтобы погладить жену по голове. И промахнулся. Подсвечивая телефоном, он осмотрел кровать. Пусто. «Уснула в детской на тахте?» Пусто... И детская – не детская, а просто пустая комната. Врезаясь в дверные косяки, Сева побежал искать вещи жены. Но их не было. Не было на стене и их фото: знакомство, поездка в Сочи, свадьба, выписка из роддома. Ни-

чего не было. Сева прислонился спиной к стене и медленно сполз на пол. Шутка, а ведь это наверняка была шутка его жены, затянулась.

Дрожащими пальцами он набрал ее номер телефона. «Набранный вами номер не существует». Он набирал номер снова и снова. Он не понимал, куда могла деться его семья, их вещи. Набрал номер тещи. «Набранный вами номер не существует». Теща живет недалеко, на другом конце района, через сквер рукой подать. Надо бежать к ней, они наверняка там. Почему она так поступила? Почему?

На улицу Сева выбежал в расстегнутой куртке, в промокших не зашнурованных кедах, было не до того. Холодало. В сквере ему то там, то тут мерещились какие-то призрачные фигуры, казалось, что он слышит детский плач. Но никого не было рядом. Он шараялся от любого звука. Ему даже показалось, что он заблудился. Он повернул назад, потом снова пошел в сторону дома тещи. Он постоянно останавливался, оборачивался, ускорялся, замедлялся. И совсем не смотрел под ноги, запинался, падал, вставал и продолжал идти.

Мужской крик разорвал тишину, захлопнулась металлическая крышка канализационного люка, с деревьев сорвались с шумом птицы.

– То-то же! – прозвучал голос старухи.

Ранним утром, еще до того, как рассвело в сквер на про-

бежку вышла девушка. Ее внимание привлек огонек фонарика телефона, валявшегося на земле. Она подняла его. С экрана на нее смотрела счастливая пара, держащая в вязаном одеяльце малыша. Телефон пропищал о нулевом заряде и выключился. На черный асфальт ложился первый снег.

Ирина Коробейникова

Мечь

Родные сестры Татьяна и Анна жили сто двадцать лет назад. Они были потомственными целительницами, и помогали людям. Дар передался им по материнской линии. Однако судьбы женщин сложились по-разному.

Анна вышла замуж, родила дочь и продолжала использовать свой дар во благо.

Татьяна перенесла серьёзную операцию, которая поставила крест на её материнстве. Муж ушёл к другой женщине.

Что-то надломилось в отношениях. Сёстры отдалились, а потом и вовсе забыли о существовании друг друга.

Ходили слухи, что Таня сгинула...

3 октября 1978 года

Ночь

Галя проснулась от боли. Кольцо, доставшееся ей от прабабки, жгло средний палец левой руки. Да так сильно, что хотелось его отрезать. Она сунула руку под одеяло и прижала к груди, повернулась на бок и сморщилась.

«Никогда такого не было. Видимо на материал аллергия? Хотя, почему раньше не проявилась? Может зря сняла, когда вчера в бассейне плавала?» – недоумевала девушка.

В комнате стояла пронзительная тишина.

Сегодня Галине исполняется семнадцать лет. Вечером будет музыка и веселье. А тут казус такой.

«Зачем я согласилась надеть этот антиквариат год назад?»

3 октябрь 1977 года

– Носи, доченька, и не снимай ни при каких обстоятельствах. Это защита, – уверяла мать.

– А от чего защита или от кого? – вопрошала Галя.

– Ты – комсомолка, тобой Маркс и Энгельс двигают. Если расскажу, всё равно не поверишь. И зачем тебе голову забивать? Сболтнёшь в школе лишнее, проблем не оберёшься. И вообще мать надо слушать.

– Есть слушать родных. И всё же?

– Так надо и точка.

3 октября 1978 года

Ночь

«Да, я – член школьного комитета комсомола, материалка. Я не верю – ни в бога, ни в чёрта, но что происходит?!»

Кровать скрипнула. Девушка села, поджала ноги и обхватила колени.

– Помоги-и-и мне-е, – услышала Галя незнакомый женский голос рядом со своим ухом, – помоги-и-и!

От ужаса мышцы живота собрались в комок, а глаза за-
жмурились.

– Вытащи-и-и, – протяжно повторил голос.

Холодный пот выступил на лбу.

В квартире, кроме Гали никого не было. А голос не уни-
мался.

– Освободи- и-и меня- я-я.

«Главное не разговаривать. Я верю в светлое будущее.
А ещё верю в то, что вижу, в то, что можно потрогать и по-
пробовать. И вообще надо включить свет», – убеждала себя
испуганная девушка.

Слезть с кровати она не смогла. Охватившая паника мешала распрямить ноги. «Комсомолка я или нет, в авангарде я или трусиха?!»

– Пой! – скомандовала Галя и запела, тихим и дрожащим голосом, – вих-ри враж-деб-ные ве-ют над на-ми, тём-ные сии-лы нас злоо-бно г-гне-тут.

– Отда-й кольцо-о! Не отдаш-шь – с паль-цем откушу-у.

На трясущихся полусогнутых ногах она подошла к выключателю, и клацнула по нему. Лампочка вспыхнула, искры от неё полетели в разные стороны, а стекло звонко посыпалось на пол, словно в неё кто-то выстрелил.

Слёзы текли из глаз, ком стоял в горле. Руки и ноги сделались ватными, и она присела на корточки,

– В бо-й роков-ой мы всту-пи-ли с врага-ми..., – пела она
сквозь слёзы.

– Освободи-и-и. Сними-и оковы-ы, – вновь заговорил голос.

А у Гали случился дыхательный спазм и приступ удушья. Она попыталась стянуть оберег, но тщетно.

«Надо найти ножовку и распилить кольцо», подумала девушка. И неожиданно пилка появилась в её руке.

В квартире было темно, а тишину нарушал скрежет по металлу, который вызывал ноющую боль в зубах.

Когда ей удалось снять бабкино наследство, она швырнула его под кровать и на четвереньках поползла в санузел. Точнее потащила своё неуправляемое тело. Труссы и ночная сорочка были мокрые.

– Я – член-н-н ком-м-митета комс-сомола наш-шей ш-школы, – выла она в голос и еле двигалась на четырёх костях.

В туалетной комнате горел свет. От этого сделалось жутко. Девушка понимала, что в квартире находится сущность и никакой «Капитал» ей не поможет.

Там на полу лежало зеркало. Галя боялась к нему приблизиться. Невидимая сила заставила её посмотреться. Она пришла в ужас, когда вместо юной девушки увидела безглазую уродливую ведьму,

– А-а-а-а-а, – заорала Галина и разбила зеркало о ванну.

– Теперь ты стала мною-ю-ю! Спасибо-о-о за зрение-е-е и свободу-у-у, – злорадствовал голос, – у меня теперь будет полноценная семья-я и молодость! А твой удел готовить вариво вурдалакам-м. Не переборщи с солью, комсомолка-а-а!

Хха-ха-ха-ха-ха!!!!

Сердце билось о рёбра, а девчонка хватала воздух ртом, как рыбы на берегу и молчала. Сил противостоять невидимой твари не было.

– Скоро будешь дома, среди своих-х! Хха-ха-ха-ха-ха!!!

3 октября 1978 года

Утро

Мать пришла с работы, заглянула в спальню. Дочь лежала в кровати.

«Как она похорошела за ночь. Вот что значит поспать до-сыта. Расцвела, словно цветок», – подумала она. Женщина заторопилась на кухню, чтобы приготовить завтрак имениннице.

Татьяна, потянувшись в постели, распахнула глаза и улыбнулась хищной улыбкой. Старинный перстень украшал средний палец правой руки.

В рассказе использованы строчки из песни «Варшавянка»

Людмила Лазукова

Неприкаянный

«Неужели она смотрит на меня? Какие у нее бездонные голубые глаза. Прозрачные, как сегодняшнее небо. И волосы такие золотые. Будто ее голову обрамляет соломенная шляпка».

Егор стоял посреди галдящей площади и ничего не замечал вокруг, кроме девушки в сарафане с красными маками. Она улыбалась и будто гипнотизировала его. Парень смущенно отводил глаза и через время вновь встречался с ней взглядом.

«Автобус уже идет. Черт, как не вовремя! Следующий только через час, опоздаю».

Егор, заглядевшись на красавицу, заметался на месте, вдруг оступись и упал на брусчатку. Через пару секунд недалеко от него раздался мощный взрыв...

«Что происходит? Я был без сознания? Сколько? Почему так гудит голова и где звук?»

Егор с трудом открыл глаза. Он лежал на усыпанной обломками площади. Люди в форме не давали прорваться через ограждение бьющимся в истерике гражданским, а между лежащими в эпицентре взрыва телами в это время спокойно и плавно передвигался робот-сапер. Как только парень попытался приподняться, к нему подбежала женщина в белом

халате и стала энергично привлекать к себе жестами чье-то внимание.

– Ну-с, голубчик, как Ваше самочувствие? – доктор светил маленьким фонариком по очереди в каждый глаз и улыбался. – Можете хоть что-то рассказать о себе?

– К сожалению, – парень вздохнул и развел руками. – Я пытался, но увы. Ничего в голову не идет.

– Это вполне объяснимо. Контузия, шок от увиденного. Я тут посмотрел фотографии оттуда. Жуткое зрелище! Вам очень повезло, что Вы упали. В бомбе было столько всяких поражающих элементов, что многих опознать можно будет только по ДНК. Они до неузнаваемости обезображены, – мужчина выглядел очень расстроенным. – Но у меня есть и хорошая новость. Нашли Ваш рюкзак с документами. Вас зовут Хомяков Егор Вадимович. Пока ни о чем не говорит?

– Как будто впервые слышу это имя, – у Егора на глазах выступили слезы.

– Срочно прекратите это мокрое дело, – доктор легко ударил кулаком по столу. – Всё зависит только от Вас. Усиленно отдыхаем, расслабляемся и лечимся. Дополним рацион еще вот этим лекарством. Предупреждаю, что будет чувство легкости, эйфории и даже возможен небольшой галлюциногенный эффект. Но это все временное явление. Главное – не пропускать прием и следовать моим инструкциям.

Пациент принял в палате таблетки и лег на кровать. Он смотрел в потолок и не знал, как жить дальше. Странно, что

до сих пор к нему так никто и не пришел.

Егор проснулся ночью от жуткого холода. Как только он открыл глаза, все вокруг в темноте начало кружиться, будто он был слишком пьян. А скорость всё нарастала и нарастала, как в центре урагана.

«Это лекарство, всего лишь лекарство. Доктор говорил, что будет побочка. Нужно потерпеть. Но почему так холодно?»

По щеке вдруг будто провели языком и он явно почувствовал на лице чье-то дыхание.

– Ты такой сладкий. Хочешь поиграем? – прошептал ему в ухо женский голос и противно хихикнул.

– Кто вы? – закричал испуганный парень, вскочив с кровати.

В свете оконного проема он увидел перекоsobоченную фигуру в явно рваной одежде и бросился в коридор.

– Представляешь, за Михалычем сегодня кавказец с травматом гонялся вокруг больницы, – медсестра Леночка докладывала коллеге последние новости.

– Как так?

– Его жену беременную в приемник без сознания из магазина привезли, а Ильин дежурил. Он осмотрел, все сделал, как положено. А тут родственники приехали. Муж как давай орать на весь этаж, почему без его разрешения у нее в трусах чужой мужик лазил. Ну, и достал пушку из широких штанов. Михалыч на улицу, тот за ним. Я так смеялась.

В этот момент на пост подбежал бледный парень, который задыхаясь и мыча показывал на дверь. Девушки бросились в его палату и включили свет. Там было пусто.

– И что Вы видели, голубчик? – доктор внимательно изучал пациента, сидевшего напротив.

– Я слышал голос. Наверное, женский. Жуткий такой, хихикающий. И она прикоснулась ко мне. Я чётко ощущал это. И холодно было. Но почему холодно? Ведь сейчас лето, – Егор говорил обрывками фраз, озираясь по сторонам. Под глазами были синяки от бессонной ночи.

– Вы же помните, о чем я говорил? Галлюциногенный эффект возможен, тем более, что у Вас есть небольшие повреждения головы. Нужно потерпеть. Что, кстати, с памятью?

Хомяков отрицательно помотал головой.

Сделав вид, что проглотил таблетки, молодой человек лег на кровать и отвернулся от медсестры. Пилюли он незаметно засунул под матрас. Когда она ушла, Егор на всякий случай проверил задвижки на окнах и подпер дверь тумбочкой.

По одеялу, казалось, кто-то медленно вел ногтем. Скованный от ужаса парень боялся открыть глаза.

– Прииивееет, – протяжно произнес тот самый мерзкий голос. – Сегодня будем играть или опять сбежишь?

Егор зажмурился и начал читать в слух «Отче наш».

– Ты еще гимн Советского Союза спой, – голос всё больше приближался к его лицу. – Зачем портить мне настроение? Хорошо же все начиналось. Разве не помнишь?

Егор отшвырнул от двери тумбочку и бросился бежать. Он не слышал ни криков дежурной медсестры, ни окликов охранника. Ему нужно было на воздух. Прочь из этой проклятой больницы. Всё равно куда.

Дорожки в больничном парке были тускло освещены уличными фонарями. Он не знал, куда они ведут, и быстро шел наугад.

– Меня ищешь?

Егор вздрогнул и обернулся. Из-за дерева к нему странно переваливаясь двигалась женщина в грязном драном платье и со спутанными волосами. Ее лицо сплошь было покрыто ранами, а правая щека совсем отсутствовала, обнажая зубы.

– Отстаньте от меня! Я ничего Вам не сделал! – закричал парень.

– Ничего? – фигура подошла ближе. – А зачем ты меня убил?

На этих словах лицо Егора схватили ледяные руки и он увидел прозрачные голубые глаза.

Солнце заливало лучами галдящую площадь.

«Автобус уже идет. Черт, как не вовремя! Следующий только через час, опоздаю».

Егор, заглядевшись на девушку в сарафане с красными маками, заметался на месте, вдруг оступился и упал на брусчатку, придавив телом выпавший из руки пульт дистанционного управления. Через пару секунд недалеко от него раз-

дался мощный взрыв...

– Где его нашли?

– В парке, тут недалеко, под фонарем. Я думал он просто сидит, а он того... Глаза бесцветные, сам окоченевший, как будто давно помер. Но он всего за пять минут до того, как я его нашел, из здания выбежал.

– Странно.

– А что он натворил-то? – спросил следователя пожилой охранник.

– Взрыв на площади устроил, гад. Столько людей погибло. Мы сами это только выяснили.

– Террорист, что ли?

– Не, из депрессивных. У него вся семья недавно в автокатастрофу попала. Видимо, крыша поехала совсем.

– Значит, еще один неприкаянный будет у нас ходить, – вздохнул старик и перекрестился.

Женя Нефедова

Больше жизни, Джерри

Помню, как я дописал свою первую книгу. Глаза болели после бессонной ночи, словно в мешки под ними насыпали песка с горкой. Меня мучил голод, а в холодильнике подсыхал забытый Кариной сельдерей. Я выбросил все ее обезжиренные йогурты и бумажные несоленые хлебцы, когда она ушла. Только этот вялый зелёный источник вечной молодости остался. Но его сил не хватало на поддержание собственной жизни, что тут говорить про готового сожрать даже свои носки начинающего писателя. В пустой вазочке я нашел только печенье с предсказанием, что купил с Кариной в ресторане, когда мы отмечали начало моей новой жизни. Печенье дождалось финала, а девушка – нет.

Я разослал «Магию странного источника» всем литагентам, контакты которых нашел. Первую неделю проверял почту каждый час. Молчали проклятые толстые журналы, молчали «Эддисон и сыновья». Походы в книжный стали пыткой. Я смотрел на все яркие обложки, скрывающие бездарные опусы раскрутившихся юнцов. Денег совсем не осталось, и мне пришлось подрабатывать официантом в баре. С горя я выложил свой роман на сайте, но спустя две недели у меня была только парочка комментариев от друзей и десятков прочтений.

В тот день я решил удалить свою книгу и вернуться к ро-

дителям. Прочь из большого города, дальше от несбывшейся мечты. Я крутил колёсико мышки туда-сюда мимо аннотации, обложки и скрытых отзывов. Внезапно заметил, что их уже не два. Кто-то сподобился прочитать страницы две и настрочить, какая я бездарность. Я развернул отзыв и не поверил своим глазам. Этот кто-то, под ником jstark89, написал мне, как ему понравилась книга.

«Спасибо за отзыв. Мне очень приятно», – напечатал я. Вдохновленный, сходил на кухню и сварил кофе. Когда вернулся к ноуту, меня ждал ответ: «Но хотелось бы больше жизни. Ваша история пугает, но похожа на сказку. А сейчас в моде реализм». Еще один диванный критик! «Спасибо за замечания, учту при написании второй книги!» – с силой нажимая на клавиши, напечатал я. Хотел захлопнуть крышку ноутбука, но jstark89 продолжил: «Хотите совет?». «Если он мне поможет, то да», – ответил я. «Попробуйте описать ваши сны. В них столько реализма, что хватит для испуга, и столько сюрра, что не будет напоминать выпуск новостей». Я отправил ему смайлик, закрывая тему. «Но будьте осторожны. Сны часто сбываются», – добавил он. Я не стал больше ему отвечать. Закрыв окно и выключил ноут. Заснул я ту ночь сразу же, только моя голова коснулась подушки. Мне снились какие-то неясные обрывки, но под утро я увидел то, что вдохновило меня на написание «Цыпочек Салема». Книжки, которая прославила меня. Тогда я сдался и вернулся в дом родителей. Я писал каждую свободную минуту, я был одер-

жим книгой. А потом выложил свое творение на тот же сайт, что и «Магию...».

Через день мне написал jstark89. «Отличная работа», и ни словом больше. А потом прочтения росли в геометрической прогрессии. Через месяц со мной связались из «Эдиссона и сыновей». Еще через пару дней из «Генезиса». Я выбил гонорар, что позволил мне съехать от родителей. Первый тираж раскупили за три месяца. Со вторым я поехал в тур. На автомате улыбался, подписывал книги, фотографировался с фанатами. Одна девчонка вырядилась главной героиней моей книги и притащила на презентацию живую курицу, что потом подарила мне. Я понятия не имел, что мне делать с птицей, поэтому привез ее матери, когда вернулся передохнуть домой после тура. Там я и остался писать «Веспу». Сюжет я снова увидел во сне: узкие улочки маленького итальянского городка, черные кудри, спускающиеся на плечи смуглой красавицы, и лужи крови на плавящемся асфальте.

День окончания рукописи я запомнил на всю жизнь – было двадцать пятое июля, и моя мама умерла. Я дремал в саду, а она возилась с цыплятами, которых вывела фанатская несушка. Я думал, что этот визг тормозов мне снится, но потом кто-то закричал. Я понесся к дороге, где лежало что-то похожее на мешок с просыпанным мусором. Это была мама. Кровь липкой как варенье лужей залила асфальт, а в руках мамы был мертвый цыпленок. Она бежала за этим сраным цыпленком, когда ее сбила машина. И моя мать, та, что

за свою жизнь не погубила ни единой живой души, умирая, задушила его...

Мы похоронили маму рядом с бабушкой, а проклятую курицу с выводком я пустил на корм собакам. Через неделю после выхода книги в «Сан» напечатали рецензию на «Цыпочек Салема». Дотошный писака нашел одну сцену, что до боли напомнила мне смерть мамы, выволоч на обозрение, обсосал все косточки и выплюнул на потеху публике. Теперь я был не просто «новой звездой хоррора», я стал «проклятым автором». Полгода я не подходил к ноуту и не написал ни символа. Из депрессии меня вытащила Карина. Она вернулась ко мне весенним утром, принесла свежую выпечку и запах раскрывшихся листьев на своих волосах. Карина убедил меня отправить «Веспу» редактору. Я получил чек с такой суммой, что только с пятого раза смог сосчитать правильно нули. Мы сыграли свадьбу и уехали в Рим. Карина расцветала с каждым днем все больше. Она загорела дочерна, носила яркие платья и тяжелые украшения из золота. Вплоть до того дня, пока я не увидел отзыв на свою книгу от jstark89. «Скучно и слащаво. Ты можешь лучше», – я взбесился настолько, что не пошел в магазин вместе с Кариной. Помню, она лишь покачала головой и выбежала, стуча каблучками по мрамору лестницы. Я выглянул в окно, проследил за тем, как она села на свою новенькую ярко-голубую веспу. Не знаю, что потом случилось с этим мотороллером. А вместо Карины по лестнице поднялся молодой карабинер.

Я боялся писать. Выбросил свой новенький макбук. Целыми днями пялился в телевизор, стоящий в гостиной родительского дома. Но после одного сна встал ночью, нашел свой детский блокнот и записал несколько строк. На следующее утро строчил как одержимый. Отец улыбался; он был рад, что я взялся за какое-то дело, а не пил и бродил в одиночку по округе. Но папу погубил «Фонтан серебряной ночи». Врачи сказали, что не выдержало сердце. А перед этим я снова увидел отзыв от jstark89. Он выслеживал меня. Писал мне письма, оставлял отзывы на всех сайтах с моими книгами. Он ждал новую книгу. Требовал продолжения. Я молчал, удалял аккаунты и прятался. Но стали приходиться письма. Я сжигал их, не читая. Но я сдался. И написал «Ужин при свечах». На этот раз умер мой редактор Джерри. Кто-то травил его толченым стеклом, подсыпанным в пищу. Сразу после похорон ко мне приехал детектив. Я ответил на все его вопросы, полицейский же странно посмотрел на меня и попросил никуда не уезжать какое-то время.

Я остался и дописал «Карусели Дерри». Тиски, сжимавшие меня последние четыре месяца, ослабли. Я открыл окно и вдохнул вечерний воздух. Отправил рукопись в издательство. Потом достал из дальнего ящика стола пыльный старый ноут. Написал последний комментарий.

И теперь я иду к парку аттракционов. Там есть карусель с лошадами. Каждый год я ходил туда с родителями. Белые, красные, синие лошади, мелькание лиц и детский смех.

Карман оттягивают нужные вещи. Я достаю телефон. Мне пришло новое письмо от jstark89: «Больше жизни, Джерри».

На карусели девочка в белом платье. Она хохочет, ее волосы развеваются по ветру. Больше жизни, Джерри...

Анна Ильина

Камера

В морозных туманных сумерках видно было не дальше вытянутой руки. Впрочем, вытягивать её не было никакого желания – ладонь мгновенно покрывало наледью. Андрей потуже натянул шапку и попрыгал на месте, пытаясь справиться с пронизывающим холодом. Ноги замёрзли, и вместо привычных пружинящих движений получались ломаные конвульсии робота.

В памяти совершенно отсутствовал момент, как он оказался в этом странном месте. Как будто кто-то небрежно разрезал и склеил киноленту где придется, вне всякой логики, и вот кадр из обычной студенческой жизни сменяется этой неведомой ледяной пустыней. Ладно, думать об этом было некогда – холод пробирался всё глубже под одежду, давая понять, что время ограничено и необходимо срочно найти выход из ситуации.

И Андрей побежал. Превозмогая боль от ледяного воздуха, врезающегося в легкие, и силой воли заставляя передвигаться одеревеневшие ноги. Направление не имело значения, в первую очередь необходимо было хоть как-то согреться и как можно скорее покинуть это место, давящее какой-то мертвой тишиной.

Пробежав не более десяти минут, он вдруг уперся в ледяную стену. Сердце от неожиданности сделало лишний удар,

и Андрей на какое-то мгновение остановился, оценивая внезапное препятствие. Поверхность была идеально гладкой, лишь в одном месте почти ничего уже не чувствующая рука наткнулась на намёрзшие острые кусочки льда и оставила за собой тоненькие мазки крови. Из-за плохого освещения не было возможности понять, насколько высоко стена уходит вверх. Не давая себе времени на раздумья, он развернулся и побежал вдоль неё, рассудив, что где-то же она должна заканчиваться.

И уже шагов через пятьдесят увидел перед собой точно такую же стену. Андрей вздрогнул и, поддаваясь панике, побежал еще быстрее. Вторая стена так же закончилась углом. И третья. И... он в ужасе уставился на покрывшиеся инеем красный след от собственной руки на идеально белой стене. Двухцветная картина со всей жестокой ясностью говорила, что он вернулся к исходной точке. Выхода не было.

Андрей, шатаясь, побрел прежним маршрутом. Что происходит? Что это за камера? Как он сюда попал? И что теперь делать? Он ведь замерзнет насмерть даже прежде, чем умрет от голода или жажды...

Вновь наткнувшись на угол, он вдруг заметил нечто такое, что в прошлый раз оставил без внимания. В отличие от двух других углов, литых и гладких, этот разделял две стены какой-то темной полосой. Так же, как и следующий... Выходит, камера не была монолитной коробкой, одна из стен могла открываться! То есть, это дверь? Андрей в растерянности

рассматривал огромную белую стену. Так или иначе, нужно выбирать. Что бы ни было за этой дверью – похоже, это единственный способ спастись.

Внезапно в голове вихрем закружились цветные картинки. Осознание пришло неожиданно, как удар под дых. Андрей резко выдохнул и, ошеломлённый, попытался сложить воедино все воспоминания.

* * *

Вот он стоит около ёлки, слегка пьян, беззаботен и счастлив. Вокруг шумит студенческая новогодняя вечеринка. Андрей рассказывает какую-то весёлую историю, и компания вокруг хохочет, безоговорочно признавая его звездой программы. Сквозь толпу к нему приближается Ольга с бокалом вина. Первая красавица курса обратила на него внимание! Она открыто флиртует с ним, делая недвусмысленные намеки, парни завистливо косятся, не сомневаясь, что сегодня ему повезёт. Как может быть ещё лучше? Может! Если сегодня он уйдет с вечеринки с Ольгой – это сделает его крутым в глазах друзей... А вот если он при всех от неё откажется – он станет вообще недосягаем!

– А что ты хотел бы почувствовать? Есть у тебя какие-то фантазии? – кокетливо шепчет девушка, глядя его по руке.

– Есть фантазии, – громко на весь зал отвечает Андрей и с вызовом смотрит ей в глаза, – хочу узнать, как там моё

пиво в холодильнике за закрытой дверью! Что чувствует? Ждёт ли меня?

Компания взрывается хохотом, девушка краснеет, отдергивает руку и, сузив глаза, шепчет: «Ну что ж, почувствуй!». Кажется, будто в её зрачках начинают крутиться какие-то спирали... Да нет же, видимо, всё-таки немного перебрал...

Вот последнее, что он помнил, прежде чем очнуться в чертовой... огромной морозильной камере.

* * *

– Вот ссука... – Андрей бессильно опустился на корточки. На краю сознания ещё теплилась призрачная надежда на то, что всё это какой-то нелепый сон, но тупая ноющая боль по всей поверхности тела не давала забыть о реальности.

Нет, вот ещё. Он так просто не сдастся. В мыслях почему-то мелькнула сестрёнка, которую он обещал сводить куда-нибудь на выходных, но так и откладывал неделю за неделей. И даже на Новый год не заехал... Вот выберется из этого грёбаного холодильника, и обязательно к ней съездит. Представив, как мелкая пищит от восторга, Андрей невольно улыбнулся онемевшими губами, собрал все силы, встал и с разбега ударил плечом дверь камеры. Ничего не произошло.

Он попробовал ещё раз. И ещё. И ещё... С таким же успе-

хом можно было биться о каменную глыбу. Андрей прислонился к стене. Он больше не чувствовал холода. Он больше ничего не чувствовал. Безумно захотелось лечь. Андрей сполз по стене и вытянулся на полу. Казалось, будто мороз пронизал его кости настолько, что тело полностью стало стеклянным. Но внутри плотного стекла ещё слабо плескалась жизнь...

Внезапно дверь сама отъехала в сторону и над головой зажглась невыносимо яркая лампа. Сил шевелиться уже не было. Оставалось только наблюдать, как его стеклянное тело обхватила огромная рука и вытащила из проклятой камеры, а вторая рука зачем-то потянулась к его голове. Последнее, что запомнил Андрей, был непроходящий, пронизывающий насквозь холод. И чей-то пронзительный крик. Кажется, его собственный.

* * *

– Эй, Петрович, открывай ворота! Еще одного жмурика тебе привезли! – машина посигналила перед дверями городского морга.

– Да что ж такое, ни минуты спокойной! Где вы их берете только! – дежурно проворчал старик, нажимая на кнопку и поднимая шлагбаум.

– Ну где-где, Новый год же! Сегодня всю ночь возить будем, не знаешь разве!

– Эх, это точно... А с этим-то что? Молодой совсем, – Петрович равнодушно взглянул на носилки.

– Ага, студент. Да черт его знает! Говорят, дома праздновали, стояли просто в компании, разговаривали, а он как упадёт, забьётся ни с того ни с сего. И пожалуйста – обморожение четвёртой степени и перелом шейных позвонков.

– Вот ведь! Хоть бы придумывали, что врать будут! Ну да ладно, милиция разберётся!

– И не говори... Совсем бестолковая молодежь пошла. Наркоманы...

Надя Бурлуцкая

Юность Маргариты

Жизнь Маргариты, полная событий и важных дел, мчалась, как скоростной состав по рельсам, оставляя далеко позади менее успешных и удачливых знакомых и коллег. Никто не знал, есть ли у нее друзья и семья, чем она живёт помимо работы. Утром она в своём московском офисе, а к вечеру уже едет в аэропорт, направляясь на очередную важную встречу.

Вот и сегодня ей предстоял перелёт. Это был не просто деловой визит в Брюссель. Её новым партнером по бизнесу оказался невероятный во всех смыслах мужчина. В Лукасе, казалось, всё было идеально – и внешность, и манеры, и счёт в банке, и кое-что ещё, чего она так жадно ждёт, предвкушая их диалог.

Томно улыбнувшись своему отражению в зеркале, Маргарита застегнула на себе облегающий жакет цвета спелого баклажана и покрутилась, любуясь своим силуэтом. Посмотреть было на что. В свои 38 лет Маргарита была сочной, но стройной; зрелой, но при этом с гладкой и сияющей кожей. Полные губы выглядят так, будто созданы исключительно для поцелуев. Не женщина, а сладость.

Так, довольная собой и погруженная в мысли, Маргарита не заметила, как доехала до аэропорта. Стоял промозглый ноябрь.

Именно в ноябре, много лет назад, она приехала, подобно

многим, покорять столицу. Под морозящим дождём, в тонкой курточке, раздавала листовки у метро, чтобы заработать себе на еду. Её хватило всего на пару недель такой жизни. Долгий и тернистый путь – не для неё. Она хочет денег, успеха, красоты, вседозволенности! И как можно быстрее.

Очень вовремя именно в это время на её пути встретился один человек. Он стал её наставником, её Господином. Именно он объяснил ей, что нет понятия «хорошее» и «плохое», и если чего-то очень хочется – возможно всё. Вообще всё.

Стюардесса принесла чай, еле заметно улыбнулась и исчезла из поля зрения. Маргарита погрузилась в воспоминания, и едва сдерживала смех. Если бы не солидные соседи бизнес-класса, она бы расхохоталась во всё горло. Пришлось отвернуться к иллюминатору, прикрыть рот и сдержанно хихикнуть: «Жаль, милая, что ты это никому не сможешь рассказать. Было чертовски весело».

Ей было чуть больше 20 лет, когда наставник показал ей настоящую жизнь, полную возможностей: «Тебе нужны деньги? Что ж, иди и возьми! Заодно повеселишься».

Он познакомил её с Адамом, пожилым владельцем ресторана. Мерзкий старикан, похожий на паука со своими мохнатыми пальцами, густыми бровями и бесшумной походкой насекомого. С первых же минут знакомства он смотрел на неё глазами старого сластолюбца: его обвисшие и влажные губы дрожали от предвкушения. Она была для него не чело-

веком, а десертом, лакомством. «Моя конфетка, моя карамелька!»», – спустя пару дней сдавленно шептал он ей в номере отеля. Когда он двигался внутри неё, воздух из его горла вырывался со свистящим хрипом. Этот мерзкий паукообразный постоянно курил, одну за одной, и не отказывал себе в выпивке. От него воняло, а кожа была дряблой и липкой.

Старик любил устраивать в своём ресторане тематические шоу, особенно он тяготел к костюмированным вечеринкам.

На одном из таких маскарадов он нацепил на свою мерзкую рожу маску зайчика, плюшевые ушки, а сзади у него торчал пушистый комочек хвоста. Маргарита надела откровенный и изящный костюм летучей мыши.

Когда вечеринка была в самом разгаре, Маргарита увела уже пьяного Адама в автомобиль, убедила его завязать глаза и отправиться с ней на прогулку в ночном парке...

Они пришли в заброшенную оранжерею.

Самолет попал в воздушную яму, и с губ женщины сорвался едва слышный стон. Воспоминания всё глубже затягивали её в прошлое, возбуждая, вызывая волнение и наслаждение.

Похохатывая, пританцовывая от нетерпения, Адам начал хватать её своими паучьими пальцами, пытаясь сорвать с неё накидку и прижать к стене. Его явно заводило, что Маргарита его связала и называла «мерзким вонючим выродком».

«Да, моя сладенькая, да, накажи меня!».

От ужимок старого козла тошнило, и первым делом Мар-

гарита решила его обездвигнуть, вколов двойную порцию миорелаксанта.

После укола Маргарита сорвала маску, которая завязывала глаза бедняге. Он уже не мог говорить, из уголка рта тянулась полоска слюны. В глазах начал плескаться страх, когда он увидел наставника Маргариты с видеокамерой. И стол. Боже, что это там?!

В его выпученных глазах появился неприкрытый ужас. Он увидел, что Маргарита задумчиво перебирала инструменты. Ножи разной длины и ширины лезвий, пила, молот, топор, щипцы, иглы. Как хорошо, что Господин вчера отвёз ее на скотобойню и показал, как разделявают туши...

Когда она начала резать Адама – медленно, начиная с обвисших губ, отрезая их по кусочкам лезвием – то ли от страха, то ли от парализации из него потекло, изо всех отверстий. Лёжа в вонючей жиже собственных испражнений, он остекленело смотрел, как она поочередно отрезает ему пальцы, как роется в его брюхе, а потом подносит к его ещё целым глазам блестящий моток кишок и роняет ему их на окровавленное лицо. Вернее, на то, что было лицом. Теперь это месиво без губ, ушей, с раздавленным носом и выбитыми зубами.

Маргарита с удовольствием отхлебнула остывший чай и облизнулась. Да, так, как было в самый первый раз, уже не будет. И плевать, что сейчас, помимо официального бизнеса, у нее целая сеть подпольных клубов, где каждый кли-

ент волен делать со своей жертвой что угодно. Убивать, насиловать, есть. Сразу или в течение недели.

Она получает колоссальные деньги, но ее саму уже мало что может завести.

После того, как она расправилась с Адамом, её жизнь, наконец, наполнилась смыслом. Денег, которые он ей давал, и которые она украдала из его сейфа за время отношений, хватило на то, чтобы улететь в Берлин, сделать пластическую операцию, поменять документы и открыть счёт в банке на круглую сумму.

Ученик должен превзойти своего учителя, в этом смысл обучения. Однажды наставник сдался. Он не мог больше соответствовать ее ритму жизни. Ее ненасытность и жестокость его пугали. Он был эстет, изредка убивал для удовольствия и собирал коллекции фильмов. Она же была охотником. Её тайная квартира была полна трофеев.

Вот это молочный зубик той бездомной малышки, которая так смешно открыла в беззвучном крике свой ротик. Ха-ха-ха. Она думала, что сможет убежать от тёти с топором. После того, как та распотрошила ее мать. Бедняжка.

Вот это – коленная чашечка подающего надежды футболиста. Юноша был польщён тем, что такая красotka в первый же вечер позвала его к себе после ночного клуба. Коленную чашечку она доставала из него медленно, не давая ему надолго терять сознание, приводя в себя. Честно, она не хотела его убивать, но он оказался дерьмовым любовником.

Венцом коллекции, конечно, является позвоночник.

Позвоночник её матери. Эта сука никогда в нее не верила!

Посмотрела бы она сейчас на оба её бизнеса. Модельный и тот, подпольный, для души. Да у Маргариты есть всё! Почти. Чего-то ей всегда не хватает...

«Твоя ненасытность тебя погубит, – твердил ей наставник, – Я больше не хочу тебя видеть, твои поступки лишены эстетики, ты просто мясник».

Маргарита задумчиво расстегнула клатч. Их она возит с собой как талисман. Его глаза, которые она вырезала у него на память. Наставник перестал её любить, он стал с ней колючим, как кактус. И несправедливым. Но она его всё равно любит, и иногда навещает. Тот подвал, в котором он живёт, полон крыс и сырости, но он все равно этого не видит. А когда она приходит, они вместе слушают его фильмы. Что бы он ни говорил, но она не лишена благодарности.

Что ж, наконец, она близка к тому, чего всю жизнь ждала. Женщина, такая яркая и интересная, как Маргарита, не может долго быть одна. Внутреннее чутьё ей шептало, когда она собирала чемодан в Брюссель, что Лукас – тот, кто ей нужен. Её новый Господин, тот, кто шагнет с ней ниже бездны. Тот, кто испугает самого Сатану.

Тот, с кем будет возможно больше, чем ВСЁ!

Елена Вострикова

Потерянное сокровище

Моя семья – мое богатство. Мама всегда твердила нам с сестрой об этом. Когда моей сестре было 2, а мне 9, папа тяжело заболел. С начала он все забывал, потом он начал терять контроль над своим телом, а потом стали отказывать органы. Врачи сказали, что в голове отца поселился червь, который медленно съедал его мозги. Каждый день я слышал, как он кричит от боли, когда обезболивающие переставали действовать, чувствовал тошнотворный запах мочи, исходящий из его комнаты, и видел в глазах беспокойство, потому что он не помнил кто мы такие. Хорошо, что Лизи не помнит это время. Мама тогда была в отчаянии. Думаю, что если бы не мы с сестрой, то она бы не пережила этого. В память о муже она всегда носила обручальное кольцо с красным агатом. Она говорила мне: «Береги свою сестру, как я берегу память о вашем отце».

Прошло 5 лет. Лизи пошла в первый класс. Я помню, какой счастливой она была. Белые банты были красиво вплетены в ее темные волосы, сине-красная школьная форма очень шла ей. После первого школьного дня, она прибежала домой, и, не останавливаясь, весь вечер, рассказывала, чем они занимались, и с кем она успела познакомиться.

Моя маленькая, добрая и наивная Лизи. Мир испугался, что тебя в нем будет слишком много.

Я помню день, когда все началось. Была суббота, я лежал дома с бронхитом. В этот день, все возвращаются раньше со школы. Когда Лиза не пришла на обед, мама начала волноваться. Она позвонила в школу, но там ей сказали, что все занятия уже кончились и дети пошли домой. Тогда она позвонила подруге Лизы – Мари. Я спустился, чтоб налить себе чай и видел, лицо мамы, когда та ждала ответа на том конце телефона. С каждым гудком беспокойство отчетливее прорисовывались на ее лице.

– Алло! – сказал детский голос в телефоне

– Привет, Мари, подскажи, Лиза у тебя в гостях? – голос мамы разносился по кухне.

– Да, мы только что зашли домой.

– Позови ее к телефону, пожалуйста, – беспокойство ушло с лица мамы, теперь оно стало серьезным

– Алло, привет Ма! Сегодня был такой интересный день в школе! Мы изучали, как правильно вычитать большие числа! А еще на перемене Джон поймал огромную лягушку и показывал ее всем! А еще после школы мы встретили дяденьку, у которого был такой маленький беленький пушистенький песик! Он даже разрешил нам его погладить! – звонкий голосок был слышен даже на лестничной площадке.

– Почему ты не позвонила из школы и не сказала, что пойдешь к Мари?

– Я думала идти домой, но мы встретили того дяденьку и заигрались с песиком. Мари сказала, что лучше дой-

ти до нее и позвонить тебе, чтобы ты не волновалась, — от этих слов на серьезном лице мамы появилась легкая улыбка, спрятавшаяся в уголках губ.

— Хорошо, посиди у нее, но чтоб через два часа была дома.

— Спасибо, мам. Люблю тебя!

— И я тебя, детка.

Встреча с псом не входила из детской головки несколько дней. При любой возможности сыпались просьбы купить похожего щенка на день рождения, который был через две недели.

Во вторник мы с мамой поехали к врачу на осмотр. Весь день лил дождь, поэтому на дорогах были пробки и много аварий. Когда мы доехали, секретарь нам сказала: «Доктор Джефферсон опаздывает, подождите его возле кабинета.»

— Ну и погодка сегодня! — капли дождя стекали с промокнутого пальто доктора. Как ты сегодня себя чувствуешь, Лиан?

— Уже лучше доктор Джефферсон.

— Замечательно! Дайте мне 2 минуты, чтоб привести себя в порядок и я тебя осмотрю.

Закончив заполнять документы, доктор Джефферсон выписал меня и сказал, что с четверга я могу идти в школу.

Последнее, что он спросил: «А как поживает твоя сестренка?»

Я ответил: «Лучше всех!»

Но это была не правда. В этот вечер она и Мари не вернулись из школы. В среду и четверг тоже. В пятницу в дверь

позвонили. Мама побежала открывать ее, но на пороге был почтальон. В руках у него был конверт.

– Спасибо, – выдохнула мама.

Она села на диван гостиной и заплакала. На конверте аккуратным детским почерком было написано ее имя. Я подошел к ней, взял конверт и аккуратно открыл его. Из конверта посыпались белые камушки, но тогда я не обратил на них внимания. Внутри конверта была кассета. Я знал, что не стоит ее включать, но я не мог сделать иначе. На кассете была Лиза и Мари в тот дождливый день. По их ярким дождевикам стекали капли. Рядом стояла машина, синий форд, в окне которой виднелся маленький, беленький, пушистенький песик.

– Хотите погладить его? Пойдемте в машину, а то промокните, – сказал мужской голос за кадром.

Они сели и радостно помахали на камеру и на этом первая часть записи кончилась.

Пока я смотрел, как мою сестру и еще одну маленькую девочку похищают, мама склонилась над белыми камешками, что высыпались из конверта. Она внимательно смотрела на них, а потом закричала. Она кричала так, что весь мир перестал существовать.

Она лишь только твердила: «Зубы! Это ее зубы! Зубы!»

Я думал, что она сошла сума. Соседи вызвали скорую и полицию. Только после того, как врачам удалось успокоить маму, я понял, что она пыталась сказать.

Полицейские забрали кассету и собрали все 23 зуба моей сестры. Они сказали, что свяжутся с нами позже, когда просмотрят запись. Вот уже 3 дня они и отряды добровольцев искали мою сестру и Мари. Теперь поиски бесполезны.

Пока мама кричала и билась в истерике, запись с кассеты продолжала идти. На ней женщина держала в руках щипцы. Девочки сидели напротив друг друга, в каком-то подвале. Они были связаны веревками. Было видно, что кожа под веревками начала синеть, так туго они были стянуты. Мари была без сознания, ее голова свесилась в правую сторону, руки безвольно лежали на коленях. Лиза была в сознании, красные от слез глаза не естественно выделялись на фоне ее бледного похудевшего лица. Она не могла и, видимо, уже не хотела кричать. Женщина подошла к Мари, взяла ее маленькую светлую головку двумя руками и опрокинула наверх. Потом открыла ее рот. Щипцы сверкнули в лучах света, падающего из окна подвала. Я запомнил, как глаза Лизы округлились от страха, как в один миг гримаса ужаса и отвращения превратила девочку в старуху. А дальше только крик...

Той ночью мне снилась Лиза. Она пришла ко мне. Вот только вместо нежной улыбки была черная дыра беззубого рта. Запекшаяся кровь на лице делала его похожим на маску. Она села на мою кровать и положила свою бледную, холодную руку на мою. Я увидел, что у нее нет ногтей, а пальцы были неестественно загнуты. «Мама говорила, что ты должен

беречь меня. Почему ты не помешал им? Я больше не люблю тебя. Я больше не буду играть с тобой». А потом она начала плакать. Черные слезы стекали по ее белому лицу и оставляли следы. С каждой секундой она плакала все громче, пока ее плачь, не превратился в крик. А потом она взорвалась, и черная вода растеклась по всей комнате.

Я проснулся. В доме действительно кричали, только это была мама. Успокоительное, что дали ей врачи, перестало действовать.

Через два дня нашли тела девочек. Их отвезли на детскую площадку и посадили на качели. В полиции нам сказали, что на тела девочек нам лучше не смотреть. Они были обезображены. Как я потом узнал, их пытали 4 дня, держали голодом в сыром и холодном подвале. На телах обнаружили следы спермы, но девочки были не тронуты. Похоже, этих психов заводило то, что они делали с детьми и занимались при них сексом.

На следующий день девочек похоронили в закрытых гробах. В городе на три дня объявили траур. А после ввели комендантский час.

Через неделю удалось выяснить, имя женщины с видео. Ее звали Нормой Джойс, она была инженером крупной фирмы. Голос ее мужа был на записи видео. У них был ребенок того же возраста, что и девочки и беленький пушистый песик. Их арестовали.

Мама лечилась у психиатра после нервного срыва. Когда

пришли из полиции, она готовила салат и делала вид, что их не замечает и занимается обычными делами. Она больше не хотела их видеть. Когда ей сказали, что нашли убийц девочек, солонка выпала из ее рук и разбилась. Мелкие белые камушки рассыпались по всей кухне.

Каждую неделю я хожу на кладбище к Лизе и Мари. Я приношу им цветы: Лизе тюльпаны, а Мари розы. Я сажусь напротив их могил, достаю сэндвич, отламываю небольшие кусочки и кладу им на надгробия. Маленькие птички прилетают и начинают клевать хлеб. Мне нравится думать, что эти птички, перерожденные Лиза и Мари. Я откусываю свой сэндвич и рассказываю им о том, что происходит в мире, в котором уже нет их. В мире, который плачет, что Лизи в нем было слишком мало.

Соул Мейм

Ты пожалеешь

Акт 1

– Если ты причинишь Вендсдей боль, то сильно пожалеешь.

В доме за моей спиной – самый разгар вечеринки, а я стою в одной футболке на грёбаном холоде и пытаюсь сфокусировать нетрезвый взгляд на лице парня, назвавшегося Эдди. Слова его, прозвучавшие с нескрываемой неприязнью, вызывают во мне приступ глупого смеха. И этот очкастый урод смеет мне угрожать? Охренеть. Вот пацаны поржут, когда я им расскажу.

– Повтори ещё раз. Я не расслышал, – специально повышаю голос и нарочито небрежно пожимаю плечами.

Ничего не могу с собой поделать. Для мужчины нет большего удовольствия, чем втоптывать в грязь поверженного соперника, даже если тот тебе совсем не ровня. Это инстинкт сродни первобытному, и он выше моего пьяного восприятия.

– Ты все прекрасно слышал, – цедит Эдди сквозь зубы. Его худое, скуластое лицо кривится так, словно ему противно даже разговаривать со мной, от чего мне становится ещё смешнее.

– Ой-ой, какие мы грозные. Чмошник грозит мне расправой, что же делать? У меня поджилки затряслись от стра-

ха, – смеюсь я, подходя к ботану вплотную, но он продолжает с вызовом смотреть мне в глаза, не отступив ни на шаг. Мои руки невольно сжимаются в кулаки, и я не вижу ни одной причины отказывать им в удовольствии. – Мне кажется, кто-то забыл своё место.

Удар под дых – и рыцарь согнулся в три погибели, а я, как истинный дракон, победно возвышаюсь над ним. Пора заканчивать с этим; бухло стынет, да и Венди заждалась.

– Ничтожество, – с удовольствием цежу я сквозь зубы и сплевываю под ноги.

– Артур? – раздается встревоженный крик, – Артур, ты здесь?

А вот и принцесса собственной персоной.

– Да, любовь моя, – отвечаю ей, не отводя взгляда от Эдди, – я во дворе.

– Ты не замерз? Я принесу куртку.

Ухнула входная дверь, застучали по бетонным ступенькам каблучки.

– Я не шучу. Обидишь её – пожалеешь, – шипит Эдди, держась за живот.

– Да-да. И покарает меня тогда сам Господь.

– Артур, тебя все заждались.

Я оборачиваюсь на голос. Венди в своем коротеньком черном платье неотразима. «Ты видишь эту красотку, очкастый? Сегодня она будет стонать подо мной, а ты со слезами дробить и молиться, чтобы мамка не зашла в комнату», –

хочу высказать ему эти свои мысли, но Эдди и след простыл. Хотя, чего я ожидал от ботана? Смываться он явно должен уметь, инстинкт выживания, всё такое.

Ну и хрен с ним.

Притягиваю к себе девушку за талию и развязно целую, чувствуя спиной прожигающий взгляд. Не знаю где ты, но всё, что тебе остаётся – смотреть.

Акт 2

Дни летят со скоростью реактивного самолета, оставляя после себя лишь полосу постепенно растворяющихся воспоминаний.

С той самой вечеринки, когда Эдди в первый и последний раз говорил со мной, прошло 6 лет. Постепенно наше общение с бывшими одноклассниками сошло на нет, только гребаный ботан все никак не оставлял нас в покое. Иногда я видел его ошивающимся у нашего дома, но стоило мне подойти ближе, как он тут же пропадал, словно чёртов фокусник. Я находил это забавным (бедного щеночка бросила хозяйка), потому решил не сообщать в полицию.

Стоит отдать Эдди должное: он держал дистанцию, не пытаясь связаться с Венди, и его присутствие в доме сводилось к фотографии, которую моя жена упрямо отказывалась выбрасывать. На ней они стояли в обнимку и улыбались до раздражения жизнерадостно, похожие, словно род-

ные брат и сестра. «Друзья детства», – сурово повторяла Вендсдей всякий раз, когда вынимала рамку из мусорного ведра. «Херетсва», – передразнивал я её, уже предвкушая, как снова демонстративно выкину фотку.

Рутина поглощала нас и медленно переваривала в едком желудочном соке бытовухи. Мы расходились утром и возвращались вечером, ужинали, занимались сексом и вновь расходились по офисам. Все приедалось, становилось серым, и в один момент я осознал, что меня больше не привлекает Венди. Нас продолжал объединять груз прошлого, но я не видел её в своем будущем, оттого становилось всё невыносимее терпеть ее в настоящем.

Она, казалось, заметила мою холодность, и, закатав рукава, принялась со свойственной ей энергичностью латать трещины в нашем семейном счастье. Новая прическа, красивое белье, вкусная еда... Только я уже знал каждый изгиб ее тела; она приелась мне, как приедается любимая песня, поставленная на повтор.

Я начал спасаться алкоголем, а затем и другими, менее известными мне женскими прелестями, загадочными, мимолетными, обворожительными.

И чем больше я наслаждался жизнью за пределами дома, тем больше меня тошнило от семьи.

А это значило лишь одно: наш брак подошел к своему логическому концу.

Акт 3

В тот день я пришел домой с твердым намерением порвать с Венди, но она с порога ошаршила меня новостью: у нас будет ребёнок. Её щенячье-радостное выражение лица ввело меня в ступор. Я уже чувствовал вкус свободы холостяцкой жизни, без Вендсдей, без омерзительно-однотонных будней, без тупой фотографии и уж тем более без детей. Параллельно нарастающей панике нечто темное, страшное, ранее мне неизвестное, рвалось наружу и я не мог противиться этому.

– Тварь, – процедил я сквозь зубы. – Какая же ты тварь.

– Что? – глаза Венди расширились, сделав ее похожей на безобразную рыбину.

– Решила таким образом привязать меня к себе? Сохранить брак? – неожиданно для себя, проорал я прямо ей в лицо.

– Нет, это не так, я...

– Заткнись, сука! – глаза мне застелила кровавая пелена. – Думаешь, я тупой? ТЫ ведь всё знала, верно?

– Артур, ради всего святого, о чём ты? – голос Венди дрожал. Рука её потянулась было к моему плечу, но я тут же сжал её, да так, что она вскрикнула от боли. Неожиданно этот звук нашел отзыв в темноте, разрастающейся внутри меня.

Да, тебе больно. Бооольно.

А будет ещё больнее.

Я замахнулся и ударил её наотмашь по лицу, испытав при этом странное чувство удовлетворения. Словно так и должно быть, словно уже давно пора было так сделать.

Венди отшатнулась. Её лицо перекошилось в диком испуге, из носа на опухшую губу брызнула кровь.

– Артур, я не понимаю... За что? Что происходит? – лепетала она, нервно сжимая край своей блузки.

– Всё ты понимаешь, – медленно, шаг за шагом я приближался к ней, она же отступала, будто загнанный зверь, не отводя от меня широко распахнутых глаз. – Мы ведь могли расстаться по-хорошему, верно? Ты ведь знала, что мне осточертела.

– Артур, я...

Я воспользовался её замешательством и ударил снова.

– Что же твой защитник не рвется на помощь, а? Ошивается же где-то возле дома. Зассал? А знаешь что, валила бы ты к нему, у вас же такая любовь!

Венди облокотилась о край стола и вперилась в меня острым, как тысяча игл, взглядом.

– Ты об Эдди? – произнесла она неожиданно отрешенно, прижимая руку к разбитому носу.

– О ком же ещё, а? Чёртов психопат.

Неожиданно Венди запрокинула голову и рассмеялась истерично, громко, несуразно выгнувшись, периодически сплевывая кровавую пену.

Я застыл на месте, ментально придя в себя. По спине

пробежал холодок, а в мозг ворвалось жуткое осознание: передо мной не Венди. Кто-то похожий, но точно не она. Выше ростом, более широкие скулы... Но как такое могло быть?! Я прожил с женой больше шести лет и не мог... Взгляд упал на стоящую на столе фотографию. На ней улыбались двое, похожие, словно брат и сестра.

– Ты... – выдохнул я, отшатываясь.

– Я, – произнес в ответ одними губами Эдди. Его лицо проступило хищным оскалом поверх лица моей жены, и с электрическим треском в доме погас весь свет.

Акт 4

С битой в руке я стою посреди сада и тяжело дышу.

Меня со всех сторон окружают ночь и неестественная тишина, но уж лучше быть здесь, чем в чёртовом доме, из которого я чудом выбрался.

Каждая моя мышца дрожит от напряжения, будто натянутая струна.

– Ты пожалеешь.

Я резко оборачиваюсь, но никого рядом со мной нет.

– Я не причинил ей вреда! – ору я, поворачиваясь снова и снова в попытке засечь малейшее движение и среагировать на него.

«Боже, что за херня! Я просто перетрудился в последнее время, накрутил себя, перепил в конце концов! И где, в кон-

це концов, моя жена?» – мысленно пытаюсь успокоиться, но бешенный стук сердца отдаёт в виски, мешая рассуждать. Надо вернуться домой, заварить чаю, выпасться...

Делаю несмелый шаг в сторону дома, ещё один, ещё...

Дикий смех резко вырывается прямо из-под ног, и я с визгом отскакиваю в сторону, кидая битой в источник звука. Смех не прекращается, но становится прерывистым, механическим. Я аккуратно подхожу и вижу гребаную игрушку, которую сам когда-то выбросил в сад, желая подшутить над Венди. Херов комик! Чуть кони не двинул от своей же дурасти.

Выдыхаю, наклоняюсь, чтобы поднять битку, и чувствую на своей шее ледяные пальцы, которые никак не могут принадлежать живому человеку.

– Ну что, трясутся поджилки от страха?

Голос, кажется, звучит прямо в голове. Холодные руки тянутся отовсюду, хватают, отрывая куски одежды вместе с плотью; одутловатые лица вгрызаются в ноги, дышат в прямо в горло гнилостными массажи. Меня рвёт, но мне не дают согнуться; я кричу от страха и боли, захлёбываюсь собственной рвотой под чавканье и жуткий смех грёбаной поврежденной игрушки. Нет, я не сохну здесь! Нет уж, нет, нет, нет!

Вырываюсь и бегу. Бегу, куда глаза глядят, быстрее, чем когда-либо бегал. Бегу в нескончаемой темноте, чувствуя на пол шага позади присутствие, а в ушах вместе с кровью

бьётся безумный смех. Неожиданно вдали показался свет, спасительный свет. И я рвусь из последних сил навстречу ему, и кошмар отступает вместе с тьмой. А свет становится всё ярче и ярче, пока не заполняет собой всё пространство вокруг и внутри меня.

И только смех из головы уходит последним, выбитый глухим ударом и визгом тормозов.

Акт 5

– Миссис Праймер, вы опознали в погибшем своего супруга, верно?

Молодой следователь сел за стол и жестом предложил женщине последовать своему примеру.

– Да, так и есть, – Вендсдей впилась в спинку стула дрожащими пальцами так, словно он один может разделить её горе. На её бледном лице залегли глубокие тени.

– Сочувствую, – следователь формально кивнул и принялся молча рыться в бумагах, выискивая необходимые акты.

– Знаете, в последнее время у нас было не всё гладко с Артуром, но я думала мы преодолеем это, если не ради себя, то ради нашего будущего малыша, – не выдержав напряжения, заговорила миссис Праймер. – Он ведь так и не узнал, что у нас будет ребенок. Он бы так обрадовался...

Из глаз женщины, до этого державшейся крайне сдержанно, ручьем хлынули слезы. Следователь моментально под-

скочил и настойчиво усадил её в кресло, учтиво предложив платок и стакан воды.

– Когда немного придёте в себя, расскажите мне, пожалуйста, где вы были в ту самую ночь, – мягко произнес он, возвращаясь на своё место.

– В тот вечер я была у подруги. Хотела посоветоваться с ней, как лучше преподнести Артуру такую неожиданную для всех нас новость. Это всё, что я могу сказать, – всхлипывая, пролепетала женщина, пытаясь безуспешно унять слёзы.

– Да, мы нашли на кухне вашу записку, и мисс Грей подтвердила, что вы весь вечер провели у неё, – буднично произнес следователь, делая пометки. – А ничего странного за мужем Вы не замечали в последнее время? Всё-таки очень необычно, что он оказался глубокой ночью так далеко от дома. Да ещё и водитель автомобиля утверждает, что он словно от кого-то убежал.

– Нет, ничего. Хотя... – Вендсдей задумчиво прижала платок к губам, – Пару раз он упоминал, что видел моего друга, Эдди, у дома. Я воспринимала это как плохую шутку.

– И почему же? – оживился следователь.

– Видите ли, это невозможно, – печально произнесла Вендсдей, – Эдди умер летом, перед выпускным классом. Несчастный случай. Его сбила машина.

Ксения Кондрашова

Любовь моя

Я помню день нашей свадьбы, будто это было только вчера, не потому, что совсем недавно пересматривала съёмку, а потому, что это был один из немногих светлых дней в нашей семейной жизни. А, возможно, и единственный.

Все последующие кажутся мне сейчас каким-то ужасным сном. Кошмаром, из которого я никак не могла выбраться. Бездонным болотом, в котором тонула всё глубже и глубже с каждым днём.

«Как ты?» – спросили меня после известия о его гибели. Как я? Как я?! Как человек, которому удалили гангренозную ногу. Мне всё ещё больно, но теперь я точно уверена, что буду жить.

«Привет, любовь моя» – шептал он, приходя среди ночи и дыша на меня алкоголем. А после, накрывал мое сонное лицо подушкой и прижимал к кровати, глядя, как я в панике пытаюсь вырваться. В ужасе я колотила руками воздух. Царапалась и пиналась, пытаюсь отбиться до того, как закончится кислород. Но он и сам всегда знал, когда надо остановиться, поэтому убирал с лица подушку, хватал за шею и злобно рычал:

– Ты мне не рада, любовь моя?

Я плакала и умоляла его не делать то, что он делал дальше. Но, как зверь, загнавший свою добычу в ловушку, это

чудовище уже не могло остановиться. Он впивался в меня зубами, оставляя на коже багровые отметины, и с особым садизмом возвращал все супружеские долги.

Однажды, я решилась сбежать из дома. Ушла на работу, а обратно не вернулась. Поехала на вокзал и купила себе билет до ближайшей глухой деревушки. Поезд шёл больше пяти часов и поздним вечером я вышла на пустой, незнакомой станции. Он ждал меня там.

– Привет, любовь моя. Сбежать хотела? – со всей силы ударив в живот, поприветствовал супруг, – Ну-ну, что-то у тебя ноги подкосились от дальней дороги, – подхватив руками и не давая упасть от боли, он потащил меня в машину. Та ночь закончилась переломами двух рёбер.

На работе с тех пор я больше не появлялась. И на полгода вообще перестала выходить из дома. Каждый вечер он приходил и избивал меня до беспамятства. Всё тело напоминало один огромный синяк. Всё, кроме лица. Что-что, а лицо его милой жёнушки всегда оставалось нетронутым.

Вспоминая те дни, меня постоянно мучали фантомные боли во всем теле. Я, как сломанная кукла, боялась, что все это окажется его очередной жестокой насмешкой. Боялась, что он окажется жив. Любые шаги на лестничной клетке заставляли меня внутренне содрогаться.

На похоронах я рыдала не от горечи потери, я рыдала от счастья, что все наконец закончилось. Что мне больше не придется жить в страхе и ужасе, ежедневно опасаясь

за свою жизнь. А едва гроб скрылся под многометровым слоем земли, меня покинуло ощущение постоянной тревоги. Придя вечером домой, я рухнула на кровать без сил, впервые за долгое время ощущая усталость вместо боли. С тела, наконец, начали пропадать постоянные синяки. И впервые за несколько лет, находясь в абсолютно пустой квартире, чувствовала себя в безопасности.

Той ночью я проснулась от дикого холода, словно в раз наступила зима. А после слышала его.

«Ну, здравствуй, любовь моя» – хриплый и до боли знакомый голос шепнул на ухо. Внутри все сжалось, а тело покрылось липким потом.

Я думала про себя, «Этого не может быть, он умер! Он умер!!! Этого не может быть!!!» Но холодные, костлявые пальцы вцепились в шею, доказывая обратное.

«Ты думала, что я так просто отпущу тебя?»

Ненавистный голос скрежетал над ухом, заставляя дрожать от ужаса. Я чувствовала, как его ледяные пальцы гуляют по моему телу, и понимала, что последний супружеский долг принять мне всё-таки придётся...

Я лежала неподвижно, пока он стаскивал с меня одежду. И пока, он огромной горой нависал надо мной. И пока он с силой вбивал меня нашу кровать. В неверном свете луны, я видела его посиневшее лицо. Как и при жизни, оно было обезображено застарелой злобой. Смердный запах разложения то и дело ударял в нос, вызывая приступы тошноты.

От ужаса и отвращения, самообладание покинуло меня и я провалилась в спасительное забытё. А когда очнулась, первые лучи солнца глядели в распахнутое окно. Рядом никого не было.

«Это всего лишь сон!» – повторяла я себе на утро, когда заваривала кофе. И когда мылась ванной, что есть сил натирая кожу мочалкой. «Это всего лишь сон!» – повторяла, стоя перед зеркалом и глядя на расцветающие по всему телу синяки. Этого не могло быть, и я отлично это понимала. Но тогда почему мне было так плохо? И почему тело болело так, словно меня переехал каток?

На сороковой день я проснулась от резкого, тошнотворного запаха мертвечины. Мне казалось, что пахнет именно от меня, настолько он был силён. Стоило попробовать встать с кровати, как оказалось, что мир безбожно качается и пол все время движется навстречу. А едва я добежала до ванной, меня вывернуло наизнанку.

Склонившись над белоснежной раковиной в пустых рвотных позывах я к ужасу своему поняла, что сбой менструального цикла был вовсе не на нервной почве.

Первый же купленный в аптеке тест подтвердил мои опасения. Я всматривалась в яркие розовые полоски и думала, почему всё так? Ведь и я мечтала о нормальной семье, о ребёнке и надёжном супруге. Но судьба распорядилась иначе. Мой муж сам же лишил меня возможности иметь детей, когда на раннем сроке первой беременности избил до потери

сознания и оставил истекать кровью на холодном кухонном полу.

А теперь, словно злая насмешка, последний подарок моего мертвого супруга. «Ты думала, что я так просто отпущу тебя?» – всплыли в памяти его слова с той ужасной последней встречи.

Адская боль внизу живота заставила проснуться среди ночи. Казалось, нечто ужасное прогрызает меня изнутри и ломает кости. Я не могла пошевелиться, от каждого движения боль лишь усиливалась. С огромным трудом, удалось скинуть с себя одеяло и в ночных сумерках я увидела, что мой живот увеличился до огромных размеров, словно, вот-вот должна родить. Очередная волна боли пронзила насквозь, заставляя взвыть. Я ощущала, как плод, пытаюсь вырваться из моего чрева, разрывает все внутренности на части. Словно, желая завершить то, на что не решался его мёртвый отец.

* * *

Соленые капли крови усыпали комнату до самого потолка.
– Хорош тут сыпать крошки, Карпов! – возмутился Стужев, брезгливо глядя на жующего бутерброд судмеда, – И вообще, ты тело осмотрел?

Карпов медленно прожевал очередной кусок и выдал:
– Да, Сергеич, впервые такое вижу. Уж что-то, но такое.. Короче, девицу будто изнутри кто-то выгрыз. То ещё зрелище.

Лейтенант молча склонился над трупом, осматривая рану. Весь живот изуродован, словно стая диких хищников среди городских джунглей нашли свою жертву. Вот только следы зубов были вовсе не звериные, хоть и довольно мелкие...

– Будто ребёнок кусал, – дополнил мысли лейтенанта Карпов, смачно откусывая очередной кусок своего обеда.

Руки полицейского невольно задрожали, в нос ударило смрадом давней мертвечины.

– Забирайте, – хрипло распорядился лейтенант и отвернулся в сторону, прикрыв лицо платком.

Шагая на запах разложения, Стужев заглянул за растрёпанный старый диван, заляпанный кровью. В углу, свернувшись калачиком, лежал полуразложившийся труп ребёнка.

Юлиана Еленина

Раздел 2

Unfinished Life

Тьма. Холод. Тишина, разрываемая скрежетом и стоном металла. Хотя... Может быть это и не стон вовсе, а песня? Дикая первобытная песня, которую поют сминаемые давлением балки и переборки.

Ну да, ультрасовременная конструкция, ну да, сверхсекретные сплавы, ну, снова да, надёжность и управляемость, которой может позавидовать космический корабль. Только толку-то? Против лома, как известно, нет приёма. Против торпедного залпа в упор – как оказалось, тоже.

Дышать тяжело – кислород в пока ещё не совсем затопленном отсеке аварийной подводной лодки не бесконечный. Да, пока худо-бедно хватало, но рано или поздно, дышать станет тупо нечем.

Наплевать. Отбоился. Учёный я или где? А мы, учёные, такие учёные... Мы из любой ситуации теорему забросать можем. Нет, то, что никто из участников нашего проекта живым отсюда не уйдет, это не теорема, и даже не вопрос, а самая аксиомистая аксиома. Вопрос в том, как сдохну именно я? Что произойдёт раньше – разгерметизация отсека, или закончится кислород? А, да... Из менее вероятных вероят-

ностей – простыню, заболую и умру от воспаления лёгких. Аптечки то в этом отсеке нет...

Смешно... Прямо умереть от смеха можно...

Хотя... А что ещё остаётся? Работать? Так поработал уже... На свой хребет. По самое «немогу» поработал... Вся наша научная группа поработала себе на памятник нерукотворный.

Зато у обычных людей последний приют два метра от поверхности, а у меня... У нас у всех... Больше трехсот. И саркофаг круче, чем у фараонов в Египте. По крайней мере, не дешевле точно...

О, можно песни петь... Экономь кислород, не экономь...

Решено, щас спою... Что там в этом мультике волк пел? А, не, там не он пел, он выл. Может и мне завывать? Вот как— то вот так – уууаауууу... А-а-а-а-а... Мать вашу, и ведь вроде бы давно ко всему готов, но всё-таки, страшно-то каааак.

А я ведь вернусь, твари. Сдохну, но вернусь... Опа... Нет, не так... Я вернусь, потому что сдохну... Только бы сработали якоря...

Тааак, а что это тут у нас? Что это за новый куплет в песне тьмы, воды и металла? О, это раз-гер-ме-ти-за-ция отсека... А жить то как хочется... Мама дорогаяаа...

– Мама!!!! – томный покой осенней ночи разорвал отчаянный мальчишеский вопль

– Виталья, ну что опять? Да сколько уже можно то! – тон

маминого голоса не предвещал сыну ничего хорошего.

Да и неудивительно, собственно. Когда тебя диким криком будят посреди ночи, ничего в этом приятного нет. Но дело даже не в ночных криках. Оксану раздражало в сыне всё.

Когда на УЗИ ей сказали, что у неё будет мальчик, она решила назвать его Виталием. Как её дядю, в которого она была безответно и безнадёжно влюблена. Хотя, других вариантов любви у них быть и не могло – дядя геройски погиб задолго до того, как Оксана стала совершеннолетней.

Естественно, она ожидала, что сын будет достоин имени дяди. Но... Не срослось.

Виталик был труслив до невозможности. А самое главное он до крика, до судорог боялся воды, что сразу и без вариантов ставило крест на повторении пути героя – офицера военно-морского флота. Да ещё и служившего на подводной лодке.

В этот раз исцелить Виталькины страхи взялся маг-гипнотист, доктор каких-то там наук и магистр (естественно, белой) магии.

Помахав перед носом мальчишки карманными часами в корпусе под старину, шарлатан потребовал, чтобы Виталик закрыл глаза и погрузился в глубокий сон. Как, собственно, это раньше делали все подобные клоуны.

– А сейчас ты окажешься там и тогда, где начались твои страхи. Вернёшься в тот самый первый момент, того самого первого дня, когда и с чего всё началось. И когда ты будешь

готов – продолжил «маг» – ты откроешь глаза и сможешь отвечать на мои вопросы чётко и внятно, при этом, не выходя из состояния транса. Итак, кто ты? Что вокруг тебя?

– Ты ещё назвать воинское звание и номер части потребуй – совсем не по детски ухмыльнулся сидящий в кресле мальчик.

Но потом его лицо озарила обворожительная улыбка – ой, племяшка, привет! Давненько мы с тобой не виделись. Повзрослела, похорошела. Эх, знал бы я, что ты такой красавицей вырастешь, ни за что бы в тот рейс не ушел.

– Дядя Витя? Вы? Как?

– Ну и какой я теперь «дядя Витя», если ты сейчас старше меня? Это мне тебя в пору «тётя Оксана» называть – покачал головой Виталий. И, кстати, доктор, отвечая на незаданный ещё вопрос – сейчас там у меня 24 октября 2001 года. Нам сказали что «Северное сияние» легла на грунт 18 октября.

– Семь дней... Вы были живы ещё семь дней.... Но почему? Почему они вас... Тебя не спасли? Ну, да, сначала шторм был, а потом то? Потом? – голос Оксаны предательски задрожал, а из глаз покатались слёзы.

– Нельзя было нас спасти. Нельзя. Почему нельзя, сказать не могу, подписку давал. Да и незачем тебе знать, чем наши умники на борту занимались.

– Я так и думала! – глаза Оксаны запылали фанатичной верой – Я так и знала, что всё было не просто так! Вы нашли затонувший корабль пришельцев, да? Или останки древней

цивилизации?

– Нууу... Кое-что мы, конечно же, нашли. Но рассказать тебе я не могу. Не хочу подвергать лишнему риску. Ты же сама не маленькая – понимаешь.

Оксана энергично закивала головой. Мол, понимаю. Не маленькая.

– Кстати, сын твой не трус, просто он... Помнит. Всё что со мной там было помнит. А там, уж поверь мне, племяшка, даже мне, взрослому мужику страшно было до одури. Но мне чтобы вернуться к... тебе, нужно чтобы он помнил. Так что за то, что он какое-то время тебя по ночам будить будет, не ругай пацана, ладно? И да, Оксан, то, о чём мы с тобой говорили, будем помнить только мы втроём. Ты, я и твой сын. «Маг» помнить будет только то, что я разрешу. В заключении этот лопух напишет, что пацану просто не хватало внимания матери, вот он и городил турысы на колёсах про подводную лодку. Ты с ним не спорь, лады? И, спасибо тебе, племяшка. Если бы ты меня не ждала, если бы не вспоминала, если бы сына моим именем не назвала, я бы вернуться не смог.

Оксана ничего не ответила, только мечтательно улыбалась до конца сеанса, а потом, подхватив сына, полетела домой на крыльях внезапно ожившей любви.

Эх, племяшка, племяшка... Вот ведь взрослая ты уже, Замуж вышла, ребенка родила, а всё как маленькая в сказки веришь. Нет, ничего плохого я твоему сыну делать не соби-

раюсь. Наоборот, из задохлика отличника боевой и политической сделаю. Да такого, от которого все девки мечтать будут сына родить. Якоря, мне нужны якоря, чтобы зацепиться за мир живых.

Я всегда понимал, что если смогу довести до ума свой проект, то всей научной группе не жить. Вот и озаботился созданием отложенных якорей заранее. Даже тебя на всякий пожарный влюбил. Правда я думал, что первым якорем станет мой сын, но по большому счёту мне без разницы. Главное что нашлась та, что сумела правильно ждать.

А когда нас очень ждут, мы, мёртвые, к вам, живым, обязательно возвращаемся... Так или иначе. Только вот возвращаться такими, какими нас придумали себе те, кто ждёт, мы не обещали...

Елена Гольдберг

Поли-леди

– Гвен, ну расскажи мне сказку! Расскажи!

– Отвяжись! Засыпай так. Подумаешь, одну ночь без сказки.

– Ну, Гвен! – канючила семилетняя Стефани.

Гвен спустила ноги с соседней кровати, раздраженно отложила мобильный.

– Ты по-хорошему не заткнешься, малявка?

– Неа, – покачала головой Стефани.

– Будет тебе сказка, – прошипела Гвен, пересев на кровать сестренки. – Только не ной потом. Сказка будет жуткая.

– Идет, – девочка перевернулась на бок, положила ладонь под голову и приготовилась слушать рассказ.

– Это случилось лет двести тому назад...

– Так это не сказка? – распахнула глаза Стефани.

– Может сказка, а может и нет, – усмехнулась Гвен. – Ты так и будешь меня перебивать?

– Нет. Продолжай.

– Так вот, это случилось двести лет назад. Люди были глупы. Растрачивали природные сокровища, не отдавая ничего взамен. Они превращали в помойку все первозданные уголки. Не осталось крохотного местечка на земле, где бы люди не наследили. В океанах, пустынях, льдах были мусорные горы и острова, что множились год от года. И эта исто-

рия началась на одном таком острове. В самом сердце пластиковой кучи зародилась жизнь. То ли солнечный луч был причиной, а может морские волны, но спаялся рванный пакет в маленькое сердце, что забилось, застучало. К нему пригнулись бутылки, сплющились, срослись в скелет, который обтянули пакеты, став плотью и кожей. Так и появился первый поли-человек. Он был неразумен, как младенец. Прятался от палящего солнца, дождя и ветра, что грозили разорвать на мелкие кусочки его хрупкое тело, развеять по свету, превратить в корм рыбам. И было ему одиноко и грустно. Поэтому в одну безлунную ночь, собрал он себе товарища...

– Такого же пластикового человека? – спросила Стефани.

– Да, – кивнула Гвен. – И обрел первый поли-человек смысл в создании таких же людей, как и он. Каждую ночь собирал похожих на него, благо мусора было навалом.

– А люди, они не замечали пластиковых людей?

– Обычные люди были заняты своими проблемами, также бездумно копили тонны и тонны мусора. А поли-люди на своем острове приплыли к берегу и стали работать уже на суше. Каждую ночь они собирали новых людей, прячась от солнца, людей и животных. Были поли-люди пугливы и осторожны – чуть заметят опасность, прикинутся кучей мусора. Поэтому люди их не трогали, лишь иногда отвозили на свалку или сжигали.

– А на свалке еще больше мусора, – радостно заметила Стефани.

– Угу, – кивнула Гвен. – Но однажды поли-человек нашел мертвую девушку, завернутую в полиэтиленовую пленку. Кожа ее была холодной как мрамор, мокрые волосы черным платьем облепили тело, а на шее был кровавый след от веревки, которой ее задушили.

– Ой! – воскликнула Стефани.

– Стало жалко поли-человеку такую красавицу. Вдохнул он в нее жизнь, заменил поврежденную кожу пленкой. Так родилась Поли-леди. И была она зла на всех людей за то, что погубили ее, и мечтала отомстить. Собрала она тех поли-людей, что сумела найти и внушила им мысль, что они – венец творения и должны править остальными. Что под силу поли-людям захватить весь мир, поработить людей и заставить создавать все больше и больше пластика. Но пока люди и сами, не ведая того, справлялись с этой задачей. И не знали они страха. Но потом стало все больше и больше умирать ночью. Находили мертвых с головами в пакетах с выпученными глазами и синими лицами. Кого-то изрезали острыми пластиковыми ножами, битыми бутылками или ржавыми консервными банками. И не заметить убийцу, пока не заслышишь тихий шорох, будто трепещется тонкий пакет под ветром.

Но Поли-леди было мало этих жертв. Она сама возглавляла походы, убивала и резала. Была у нее и другая цель: выискивала красивых девушек и отрезала у них части тел, чтобы заменить свои истлевшие. Увидит красотку с длинными и черными, как вороново крыло, волосами, выследит

и затаится. Нападет ночью и срежет скальп, а потом пришьет на свою голову тонкими нитями. Заметит глаза, голубые как весеннее небо, вырвет острыми акриловыми когтями, вставит вместо своих сгнивших...

Гвен остановилась и посмотрела на сестренку: девочка сжалась в комочек, но продолжала слушать.

– А еще повадилась Поли-леди красть маленьких детей. Стучалась ночью в окно и выманивала наружу.

– Зачем? – спросила Стефани.

– Ей нужна была молодая кровь, чтобы передвигать украденные ноги, чтобы могла она говорить, и щеки были румяными. Дети шли за Поли-леди, связанные прочными пластиковыми веревками. Попробуешь убежать – разрежет веревка руку. Поли-леди пила кровь детей каждый вечер перед охотой и перед рассветом, чтобы крепче спалось. Обескровленные тела бросала и находила новых детей.

– Неужели её никто не остановил?

– Поли-леди выслеживали, но была она хитра и бесстрашна. Много раз выскользывала из рук полиции. Однажды придумала Поли-леди коварный план. Убивать людей по одиночке было слишком долго. Поэтому решила она отравить всю воду, землю и воздух. Наполнить их мелкими частичками тел поли-людей. Чтобы дети и взрослые ели, пили и вдыхали отраву, а потом умирали от страшных болезней. И только тогда, когда умирать стали народы, одумались люди и перестали использовать столько пластика. А потом выследи-

ли поли-людей и уничтожили их специальными бактериями. И переработали горы и острова мусора, сделав Землю чище. Конец.

– И все? – Стефани недоверчиво посмотрела на сестру. – А как же Поли-леди? Что стало с ней?

Гвен потянулась и зевнула:

– А ее так и не нашли. Наверное, бродит где-то в поисках новых частей тела и крови детей.

– Плохая сказка! Страшная! Я больше про принцесс люблю.

– Ну и проси папу с мамой такие рассказывать, – пожала плечами Гвен. – Все, я спать.

Она легла на свою кровать и погасила свет. Стефани обиделась на сестру, но та скоро уснула и высказать свою обиду было некому. Поэтому девочка заснула.

Проснулась Стефани глубокой ночью. За окном что-то тихо шуршало. Девочка встала и осторожно отодвинула занавеску. Она ждала папу с мамой, которые задерживались на вечеринке, но на улице стояла красивая фея. У нее были длинные волосы в разноцветных заколках. На лице сверкали блестки, платье пышным облаком колыхалось под порывами ветра.

– Здравствуй, Стефани! – сказала незнакомка.

– Здравствуйте, – ответила девочка. – А кто вы?

– Я – королева, что потеряла свое королевство. И только такая храбрая девочка, как ты, можешь мне помочь его вер-

нуть.

– Я? – переспросила Стефани.

Незнакомка кивнула и поправила свой прозрачный плащ:

– Хочешь стать принцессой?

Стефани задумалась, представив красивые платья, пони и настоящую корону, свою комнату без вредной старшей сестры.

– Впусти меня, – попросила незнакомка. – Помоги открыть окно.

Она подняла изящную руку и поднесла ее к окну, а Стефани заметила блестящие стежки на белой, как снег коже...

Анна Ильина

Не бойся, я с тобой

Это случилось десять лет назад. Тогда я остался один. Мать сказала, что я ей мешаю строить личную жизнь и предпочла мне своего ухажера и его сына. Я думал, что все это сон, но правда оказалась больнее, чем удар по лицу, коими меня угощали все детство. Поначалу я даже не понимал, куда попал. Казалось, что мама придет и заберет меня. Но этого не случилось.

Так я оказался в детском доме в свои восемь лет. В первый же день, когда попал в эту тюрьму для детей, на пороге комнаты меня встретили местные «авторитеты».

– Здорова, придурок! – самый главный бугай с прыщами на лице встал поперек прохода, и сложив руки на груди, зло-радно ухмыльнулся. С этого дня в моей жизни начался ад, который Дьяволу и не снился.

Я не хотел ни с кем играть. Целыми днями сидел на своей кровати и собирал пазлы, выстраивал в ряд машинки.

В первую же ночь я ощутил на себя все прелести жизни в детском доме. Я начал дремать, пересчитывая в уме свои машинки, как вдруг кто-то схватил меня и потащил на пол. Приземлился, треснувшись о тумбочку головой. Кто-то накинул на меня одеяло, и я понял, что не могу его с себя сдернуть. Меня затрясло от страха и нехватки воздуха, я жадно хватал ртом остатки кислорода.

Я упал на пол, пытаюсь выбраться из-под одеяла. Но кто-то будто привязал его ко мне. Снаружи слышался чей-то смех. Я получался пинки по голове один за другим.

– Распутай его, Санек, давай с ним поиграем в карусель! – послышался голос одного из подонков.

Я задыхался, орал навзрыд.

– Отпустите меня, вы, конченные козлы! – от злобы у меня перехватило дыхание, которого и так не хватало. Тут вокруг все замолкло. Кто-то резко сдернул с меня одеяло.

Меня окружили пять подонков. Тот самый, главный с прыщами подошел ко мне, и схватив меня за горло, с дикой ненавистью посмотрел в мои испуганные глаза.

– Ты, урод, становись на колени. Сейчас будешь нас развлекать. – рывкнул он, и поставив ногу мне на спину, с силой надавил на нее. Я распластался на полу. Тело дико ныло от боли, где-то на затылке я ощутил резкую боль.

Подростки окружили меня плотным кольцом и, похикивая, стали расстегивать себе штаны. В этот момент я не до конца понимал, что они от меня хотят. Но мои руки похолодели, а сердце билось так, что я до сих пор удивляюсь, как оно выдержало столько ударов.

Один из подонков подошел ко мне ближе и схватил за волосы так, что я взвыл от боли. И тут, в самом углу комнаты я увидел человека. Хотя, я не мог разглядеть лица, было ощущение, что оно смазано, как пейзаж за окном в дождливый день. Его темная, тощая фигура бесшумно двигалась

в сторону меня и моих мучителей. Казалось, что он не шел, а плыл.

Тогда я не знал, что меня больше всего испугало – он или толпа отморожков, которые жаждали содомии. Напряжения было так велико, что я просто отрубился. Последнее, что я помню – это чей-то голос:

«Не бойся, я с тобой».

Очнулся я посреди комнаты, а вокруг меня лежали они. Нет, мои истязатели не спали. Я поднялся и увидел их синие лица, глаза, вылезшие из орбит, открытые рты, с вывалившимися синюшными языками и бледные тела. В комнате была тишина и больше никто не насмехался надо мной.

Солнце еле-еле пробивалось сквозь утренние тучи такого же цвета, как лица моих мучителей. Было часов шесть утра.

Тут я снова почувствовал резкую боль в голове и схватился за затылок. На ладони отпечаталось что-то мокрое, кожу головы ужасно щипало. Я посмотрел на руку. По ней текла алая кровь. Я ощутил такую сильную пульсацию в голове, словно там билось еще одно сердце. Мое тело обмякло, и я рухнул на колени.

Кто сотворил это с ними? Тут мою спину обдало холодом. Возникло стойкое ощущение, что на меня кто-то смотрит. Но в комнате никого не было, кроме трупов.

Я стал медленно поворачивать голову. Безликий висел в воздухе прямо за моей спиной. Тут я опять услышал голос.

Это был его голос, и он обращался ко мне. Я не мог разглядеть его рта, глаз, ничего не было. Лицо без лица, обтянутое бледной, синюшной кожей.

«Теперь я с тобой. Теперь мы всегда будем вместе». Вот что я услышал.

Не поверите, но я больше не испытывал ужаса. Повяло каким-то спокойствием, несмотря на устрашающий вид этого существа.

С тех пор он всегда был рядом. Тот парень без лица, который когда-то тоже оказался жертвой подонков. Его повесили в туалете, а убийц так и не нашли. У меня появился друг, впервые за долгие месяцы. В детдоме еще не раз находили трупы подростков, а я был рад, что мне больше ничего не угрожало.

Я теперь не боюсь, ведь ты со мной.

Ксения Поплевина

Спи спокойно

– Билет до Миасса, пожалуйста.

– 498 рублей. Два рубля должна буду, – буркнула кассир и сунула в окошечко билет.

Девушка спрятала кошелек в рюкзак и, оглядевшись по сторонам, поспешила к посадочной платформе.

Автобус уносил ее все дальше и дальше от дома.

«Только бы спрятаться от него. Нельзя допустить ни одной ошибки, иначе я пропала. Он умный. Он найдет».

– Вы домой или на Тургояк? – вдруг обратился к девушке попутчик. – Я Дмитрий.

– Маша. Мне очень тяжело сейчас, извините. Я еду прощаться с бабушкой.

Мужчина понимающе кивнул и за дорогу не проронил больше ни слова.

База отдыха находилась на самом берегу большого озера с чистой водой. Вокруг величественно возвышались горы, достающие до бескрайнего неба.

– Добро пожаловать! – администратор улыбнулась бывшей гостье.

– Здравствуйте! У меня проплаченная бронь на имя Кузнецовой Олеси Сергеевны, – девушка протянула паспорт.

– Так, одноместный в коттедже рядом с главным корпусом. В нем как раз ресторан, где Вы будете завтракать и обе-

дать. А ужинать можете в любом кафе на территории. В номере есть вся информация. Приятного отдыха!

В комнате было очень чисто и уютно. Олеся бросила рюкзак на кресло, задернула шторы и упала без сил на кровать. Два дня она провела без сна, замечая следы и вздрагивая от каждого звука. Она видела его в каждом встречном мужчине, за деревьями и в проезжающих авто. Но здесь он ее не найдет и не сможет сделать то, что обещал.

В ресторане пахло просто божественно. Голодная девушка без разбора наполнила тарелку едой и под села за столик, где завтракали три возрастные дамы.

– Олесенька, Вы здесь совсем одна? – спросила ее новая знакомая Мария Алексеевна.

– Да, так получилось. Хотели с мужем отдохнуть, но у него случился аврал на работе. Пришлось мне ехать, чтобы предоплату не потерять. Отосплюсь хотя бы.

За соседним столом подросток нагло уставился на Олеся и ехидно ухмылялся.

– Тут спится прекрасно! Воздух потрясающий, красота вокруг, спокойствие, – наперебой затрещали дамы. – Присоединяйся к нашим прогулкам.

– Обязательно, как только высплюсь.

Чувствуя тяжесть от плотного завтрака, девушка не спеша шла по усыпанным осенними красками дорожкам. Она вдыхала утреннюю свежесть, пытаясь расслабиться и освободить голову от страшных картинок. Вот его безумные глаза, нали-

тые кровью, и сжимающиеся вокруг ее шеи пальцы. А потом дикий рёв: «Я убью тебя, тварь!»

В последний момент она сориентировалась и со всей силы ударила его коленом между ног. А потом бежала. Очень долго...

Ветер зашелестел листьями на деревьях, вернув девушку в реальность, и вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд. В висках застучало. Олеся, пытаясь сохранить на лице спокойствие, прибавила шаг.

Как только она открыла дверь номера, на тумбочке зазвонил внутренний телефон. Сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Трясущимися руками девушка сняла трубку. В динамике раздался треск и тяжелое дыхание. В ужасе она бросилась к стойке регистрации.

Администратор принесла Олеся воды и пообещала побыстрее выяснить, откуда был сделан странный звонок.

– Может, Вам съездить в город? Здесь недалеко. Я вызову такси. Погуляете по магазинам, в музей тоже можно сходить или в кино.

Бледная, как привидение, девушка кивнула. Сейчас ей хотелось убежать и отсюда.

Город не показался ей приятным. Олеся бродила по незнакомым улицам и поражалась их мрачности. Странно, что всего в нескольких километрах отсюда была нереальная красота. А здесь всё такое серое и унылое. Еще это чувство, что за ней следят.

«Только не это», – мысленно застонала девушка, почувствовав, что нижнее белье становится мокрым, и засеменила в ближайший магазин.

– Наберут полную тележку водки, а потом скрепышей требуют. Алкаши! – разорялась на весь зал полная кассирша. – О детишках, блин, вспомнил. Правила читайте! Не положено. Что у Вас?

Олеся смущенно протянула ей ярко-синюю пачку прокладок и крупную купюру.

– Нет у меня сдачи, – рывкнула женщина. – Карту давайте. Девушка спешно расплатилась и побежала в туалет.

– Вот, Олеся Сергеевна, нашли хулигана, – начальник охраны толкнул вперед высокого парня.

Девушка сразу узнала в нем наглого подростка из ресторана.

– Извините, я пошутить хотел, – шмыгнул носом хулиган.

– Зачем? Тебя кто-то попросил звонить?

– Не, я сам. Да просто скучно тут. Развлекаюсь, как могу.

Простите.

Олеся с облегчением выдохнула и улыбнулась.

Ночью она проснулась от очередного кошмара и ей показалось, что в комнате кто-то есть. Тихо скрипели половицы, отчетливо слышалось чье-то дыхание. Девушка дрожащей рукой дотянулась до выключателя. Через несколько секунд глаза привыкли к свету и она смогла осмотреть пустую комнату. Потом проверила ванную.

В восемь утра Олеся стала собираться на завтрак. После бессонной ночи ее тошнило, а лицо было серым, хоть она и умывалась долго холодной водой. Взяв рюкзак, девушка открыла дверь и остолбенела, увидев перед собой высокого мужчину с перекошенным от злости лицом.

– Ну, привет, тварь!

В следующее мгновение она получила мощный удар в переносицу и упала без чувств.

Свет от лампы слепил заплывшие глаза. Девушка сидела на стуле со сцепленными за спиной наручниками руками. На лице расплылись огромные синяки.

– Ну, приступим, Анна Васильевна? Или Вам больше нравится «Олеся Сергеевна»? – незнакомый мужчина за столом взял ручку и приготовился записывать.

– Как меня нашли?

– Мы и не искали, если честно. Вы не были в нашем списке подозреваемых. Вас вчера без сознания привез Петр. Сказал, что нашел убийцу своего брата. Вы расплатились в магазине своей картой.

– Черт. Но у вас ничего на меня нет, – девушка закинула ногу на ногу и сделала скучающее лицо.

– А тут Вы ошибаетесь, гражданка, – следователь достал из ящика стола флешку, переданную ему Петром. – Я думаю, что Вы не подозревали о камерах в доме, иначе бы так изощренно не кромсали своего супруга. Признаюсь, такого я никогда не видел. Пока просматривали, половина отдела обры-

гальсась.

Лицо Анны вдруг преобразилось. Теперь она смотрела исподлобья и улыбалась, как сумасшедшая. Мужчину передернуло.

– Это Ваша единственная жертва?

Убийца громко захохотала и развалилась на стуле.

Петр стоял у отдела полиции и улыбался, глядя на фотографию: «Спи спокойно, брат!»

Женя Нефедова

Катенька

В баре было шумно и многолюдно, и двое мужчин, покинув заведение, направились к ближайшему скверу, где, не сговариваясь, подошли к одинокой скамейке, освещённой фонарем.

– Да ну его, бар этот, Сань? Сто лет не виделись, поболтать охота, а там музыка орёт и народу тьма... – раздражённо сказал тот, что повыше, доставая из кармана пачку сигарет и протягивая другу.

– Согласен. Курить нельзя, опять же, – кивнул Саня, щёлкая зажигалкой, – мы и на лавочке нормально посидим, как в студенческие годы. Ладно, Лёха, рассказывай дальше, что там майор-то ваш учудил, здесь хоть слышно нормально.

И мужчины продолжили неторопливый разговор.

В какой-то момент Саня посмотрел в сторону, улыбнулся и, протянув руку ладонью вверх, позвал, глядя куда-то в темноту:

– Кс-кс-кс! Глянь, Лёха, какой красавец!

Из кустов вышел вальяжный рыжий кот и, убедившись, что в руке ничего нет, вопросительно посмотрел на мужчину.

– Фу, черт, гони его нахрен отсюда! – Лёха вдруг подскочил и замахал на кота руками. – Брысь! Брысь, говорю! Пшёл вон!!!

Кот не заставил себя долго упрашивать, развернулся и в мгновение снова скрылся в зарослях кустов.

– Ты чего? – Саня недоумённо посмотрел на друга. – Что он тебе сделал?

– Да блин... Была тут у нас история... – Лёха вновь опустился на лавку и дрожащими пальцами выудил ещё одну сигарету из пачки. – Не к ночи бы про неё рассказывать... В общем, приехали мы как-то на вызов, а там...

Дом на площади помнишь, что у универсама? Там ещё квартиры огромные такие, сталинских времён. И вот вся эта квартира в кровище... Ну просто вся! Как из шланга поливали, представляешь? Уж сколько лет в убойном работаю, а такое первый раз видел. И повсюду кошки! Чёрт знает, сколько их там было, нас всех замутило тогда, сам понимаешь, не знали даже, с чего начать... И пока мы, взрослые мужики, стояли там в дверях, растерявшись, у меня из-за спины в квартиру бабка соседская прошмыгнула, и как давай верещать: «Ой, божечки, угробил подлец этот Катеньку нашу! Я же так и знала, убивец он, так и говорила всем!!!»

В общем, мы опомнились, экспертов позвали, а бабку вывели и допросили. И вот что с ее слов там было: жила там хорошая девочка Катенька, с самого детства её все помнят. Родители у неё то ли умерли, то ли уехали куда, одна жила, короче. Ну как одна... Добрая была девочка, и постоянно котиков подкармливала, жалела, да домой приносила, особенно зимой, чтоб не замерзли. Вроде, говорят, раздавала потом

кому-то, да только всё равно было их у неё немереное количество.

А как постарше стала, стала и мужиков приводить, куда без этого. Ну, то есть, не то чтобы там проститутка какая, а просто как-то не складывалось у неё с ними. С одним немножко повстречается, смотрят соседи – довольная ходит, с цветами, целуются у подъезда... А потом проходит месяц-другой – и идёт зарёванная, одна. Оно и понятно, – вздыхала бабка, – мало того, что у девочки перед глазами родительского примера не было, как вести себя правильно, так ещё и столько кошек, мало кто обрадуется.

А потом появился у неё Дмитрий этот. И соседка, ясное дело, сразу заподозрила, что нехороший он человек. Хоть и здоровался всё время, хоть и пакеты тяжёлые с магазина таскать помогал, а видно, говорит, было, что душа-то чёрная у него. И вот однажды услышала бабка, как ругаются они за стенкой. Громко, говорит, скандалили, а о чём – непонятно. Ну ещё бы, стены-то в сталинке толстые, у бабки поди перепонки барабанные от напряжения полопались, пока подслушать пыталась. Ну, в итоге, выскочила в подъезд, в дверь им потрезвонила и Дмитрию этому милицией пригрозила. И затихло всё. Вот только и Катеньки не видно стало. Раньше выходила постоянно – на работу там, в магазин, а тут нет и нет её. И запах от квартиры пошёл нехороший... Заволновалась бабка, вот и вызвала нас.

В общем, по итогу осмотра квартиры труп свежеразделан-

ный нашли и несколько кастрюль огромных на плите. А в них каша. Наваристая такая, с мясом... – Лёха крепко зажмурился и содрогнулся всем телом.

– С ума сойти, жуть какая! – Саня покачал головой. – Так и что, сварил её этот Дмитрий, что ли? А нафига?

– В том и дело... Экспертиза показала, что труп-то мужской...

– Чего?! Так это она его?!

– Ага... Более того, в квартире ещё другие кости нашли. Какие-то совсем старые, какие-то поновее... В общем, вот у неё почему с мужиками-то не складывалось... Котиков она ими кормила, понимаешь?! Пока конфетно-букетный период идёт – так и хорошо всё, а стоило раз поругаться, у девки крышу сносило и до свидания.

– Да ну нафиг! – друг во все глаза уставился на Лёху, пытаясь переварить услышанное. – Так и что дальше-то было? Где Катенька-то эта?

– А хрен её знает, – Лёха вздохнул и пожал плечами. – Сбежала. То ли бабкины слова про милицию её испугали, то ли Дмитрия этого искать начали, и она поняла, что на неё выйдут. В общем, пропала, растворилась, как и не было никогда. А у нас очередной глухарь повис и премию не дали всему отделу.

– Да уж... Я думал, такое только в кино бывает, но чтоб у нас в городе...

– Представь себе... И вот ещё что: пока суть да дело, след-

ствие вели да дверями там хлопали, все эти Катенькины кошки и разбежались. И вот как представляю теперь, что по городу ходит невесть сколько котов, которые из года в год человечесиной питаться привыкли... Ух, аж дрожь пробирает! С парашютом тридцать четыре раза прыгнуть не боялся, а вот кошек боюсь теперь...

– Кошмар какой.. – Саня перевел взгляд на кусты, в которых скрылся здоровенный рыжий кот, и тоже с отвращением содрогнулся.

Мужчины ещё какое-то время сидели, молча затягиваясь дымом и глядя в темноту. Разговор как-то не клеился. Саня встал первым:

– Слушай, ну я пойду? Невеста заждалась поди...

– Давай, конечно. Счастливчик, – Лёха тепло улыбнулся. – На свадьбу-то позовёшь?

– Ну понятное дело! Раз в жизни жениться-то планирую, всех приглашу праздновать!

– Ну давай, значит, скоро увидимся!

Чем ближе Саня подходил к дому, тем лучше становилось настроение. Дурацкая история, рассказанная другом, совсем выветрилась из головы. Он повернул ключ в замке и, не успев зайти, крикнул в глубину квартиры:

– Любимая! Я вернулся! Ты дома?

Из комнаты послышались торопливые шаги, и в коридор выбежала милостидная девушка с рыжим котом на руках.

– Дома! И не одна! Милый, я котика подобрала на улице,

смотри какой красивый! Ты ведь не против, правда?

Надя Бурлуцкая

Доброе сердце

– Блин, я уже ни есть ни пить не могу, а главное не могу бухать! Что за хрень?!

– Да ты залетела! Чего удивительного?!

– А может, не залетела, а траванулась.

– Да уж! Траванулась! Хреном Германа траванулась! – девушка хохотнула.

– Да ну тебя!

– Две полосы... да такие жирные, могу про бурундука пошутить, надо?

– Попадаоос! – девушка зло отбросила тест на беременность.

Две подруги разговаривали в туалетной комнате отеля. Через три дня они возвращались на Родину. Но эти три дня нужно было отгулять так, чтобы вернуться не с пустыми карманами.

До этого момента все шло хорошо. Дни пролетали незаметно. Опыянение перетекало в похмелье и обратно. Было сложно сказать сколько кавалеров было у них за это время. Важно было не количество, а желание мужчины раскошиться за ласки искушенных в любовном деле дам.

– Ну и что теперь делать?

– Аборт, что еще-то! Или ты решила мамочкой стать? – одна их подруг постаралась изобразить кормящую мать,

но с хохотом свалилась в ванну.

Людмилу мутило, она с трудом перенесла пятичасовую дорогу на самолете. Предстояла еще дорога домой.

– Надо кончать с этим! Давай сразу в клинику зарулим, а?

– Не, не, я домой, давай сама!

Людмила уже тряслась от злости, доказывая доктору, что она не может рожать, это не входит в ее планы. Она не понимала, что значит нельзя, если она готова за это платить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.